

Дело двух Феликсов

Автор:

АНОНИМУС

Дело двух Феликсов

АНОНИМУС

АНОНИМУС #6

2021 год. Старший следователь Орест Волин приезжает во Францию к своей девушке, парижанке Ирэн Белью. Ирэн работает в парижской полиции и расследует дело об убийстве русского коллекционера и краже у него вещей, принадлежавших легендарному князю Юсупову, убийце Григория Распутина...

...Очередной мемуар сыщика Загорского рассказывает о событиях 1925 года. Бывшая возлюбленная Загорского Светлана Лисицкая, работающая натурщицей в Ленинградском художественно-техническом институте, случайно узнает о преступной схеме, с помощью которой из музеев воруют шедевры изобразительного искусства и переправляют их на Запад...

Анонимус

Дело двух Феликсов

© АНОНИМУС. Текст, 2022

© Исаев Д.А. Оформление, 2022

© ИД СОЮЗ, 2022

© ИП Воробьев В.А., 2022

© ООО «ЛитРес», 2022

* * *

Пролог. Старший следователь Волин

Воздух Парижа был прозрачным, благоуханным и тек над головой, словно огромная река. Время от времени он сгущался до ангельской плотности и норовил поднять заблудшего грешника на белоснежных своих крыльях к сияющим синим небесам. Грешник, разумеется, сопротивлялся, но все-таки потихоньку воспарял духом и спустя какое-то время обнаруживал, что не идет уже, а почти летит над землей.

Примерно так же летел сейчас, а точнее легкой, почти невесомой, стопой шел старший следователь СК Орест Витальевич Волин. По улице Удон спускался он от базилики Сакре-Кёр напрямик к Пляс Пигаль[1 - Пляс Пигаль - площадь Пигаль, знаменитый район «красных фонарей» в Париже.]. Моралисты и скептики разглядели бы в этом маршруте что-то возмутительное, греховное, намекающее на падение и разврат, но ничего такого не имел в виду Орест Волин. Путь его был прямым, исполненным благих намерений, а спускался он просто потому, что улица вела под уклон, а не потому, что желал немедленно и бесповоротно пасть, как то проделали до него многие, ошибочно считавшиеся ангелами, а ныне раскрывшие перед лицом богомольной общественности всю свою мерзостную суть.

Отчего Волин спускался именно от Сакре-Кёр, спросите вы? Ответ прост: оттого, что очень любил Монмартрский холм и собор Святого Сердца. Художники, мимы и музыканты, облюбовавшие окрестности собора, ясно свидетельствовали о том, что они - возлюбленные дети Божьи и простится им гораздо больше, чем всем другим, а может быть, и больше, чем они сами бы того хотели.

Единственным местом в Париже, которое нравилось Волину больше Монмартра и Сакре-Кёр, был собор Парижской Богоматери, знаменитый Нотр-Дам-де-Пари.

Орест Витальевич был совершенно убежден, что те, кто побывал внутри собора Парижской Богоматери, побывали в четвертом измерении.

Волин хорошо помнил тот первый раз, когда оказался он в невыразимой таинственной полутьме собора, где растворялись предметы и люди, и как среди высоких и темных стен явственно ощутил холодное зияние – воронку между мирами. Тогда он всей кожей почувствовал, что здесь стерта грань между небесами и преисподней, здесь они соприкасаются и грозные, сияющие неземным светом ангелы созерцают печальных насельников адских сфер. Тогда он ясно услышал и трепет ангельских крыльев, и скрежет дьявольских когтей.

Но все это кончилось, пресеклось в один миг от преступной глупости мигранта-строителя, бросившего сигарету там, где и курить-то нельзя. В короткое время Нотр-Дам-де-Пари был охвачен смертельным пламенем и вскоре прекратил свое существование. Нет, конечно, его отстроят заново, его восстановят, но уже никогда, никогда не ощутить в нем легкого дыхания ангелов и не услышать дальнего воя темных духов. Граница между мирами закрылась здесь, и никогда больше не откроется. Но прежде, чем закрыться навсегда, воронка эта, словно из мести, выпустила на волю страшный шипастый шар коронавируса, и люди облачились в броню из медицинских масок и одноразовых перчаток.

Впрочем, как сказано в Библии, дневи довлеет злоба его, то есть всякому дню достаточно текущих забот. И природные парижане, как и десять лет назад, спешили по улицам, сидели на открывшихся уже верандах, ехали на машинах и мотоциклах. Хотя нет – на машинах и мотоциклах ездили теперь гораздо меньше, зато на улицах во множестве появились самокаты. По полупустым проспектам семьями и целыми отрядами проезжали велосипедисты. Исчезли куда-то автомобильные пробки и угарный газ, в атмосфере царило благорастворение воздуха.

– Вот что ковид животворящий делает, – говорил Орест Витальевич своей парижской подруге Ирэн, которую на русский лад звал он просто Иришкой.

– Не ковид никакой, а наша мэр Идальго, – отвечала Иришка с очаровательным французским акцентом. – Она не любит автомобили и не любит, как это по-русски... вонизм?

Волин согласился, что вонизм – это очень по-русски. Хотя, как ни странно, в России его тоже не любят.

– Вы, русские, вообще ничего не любите, – говорила Иришка, укладывая волосы феном, в тот время, как он ходил вокруг нее, как кот вокруг сметаны.

– Ну, почему же ничего, – возражал он, – вот, например, мы очень любим тебя.

И старший следователь ухватывал ее за талию и волок в постель, хотя она отбивалась и кричала, что ей на работу, и что русские – не только варвары, но и маньяки, и чтобы она еще раз подпустила к себе хоть одного русского...

– Да ты сама русская, – говорил он, хохоча и перехватывая ее кулачки, которыми она размахивала у него перед носом. – Ты сама русская на сто процентов.

И это было правдой. Ирэн Белью, она же Ирина Белова, только жила в Париже, родителей же имела вполне русских. В начале лихих девяностых они покинули богоспасаемое отечество наше ради прекрасной Франции и ни разу, кажется, об этом не пожалели. И уж подавно не жалела об этом Ирэн – для старшего следователя просто Иришка.

– Почему я должна скучать по стране, которую даже не видела никогда? – удивлялась она. – Что такое эта ваша ностальжи?? Ностальжи придумали русские, чтобы оправдать хандру и дурной характер.

И тут Ирэн начинала говорить противным голосом, передразнивая воображаемых русских.

– Ты почему такой хмурый? У меня ностальжи. А почему не работаешь? У меня ностальжи. Почему ты украл чужой бумажник? Потому что у меня загадочный русский характер и меня замучила ностальжи!

Волин, смеясь, отвечал, что она язва, и что она неправа. Что вот он, например, русский, но на ностальгию не жалуется, бумажников ни у кого не ворует и вообще к криминалу не склонен. Больше того, он следователь и даже сам ищет бандитов.

- Ну и что, - говорила Иришка, - и я следователь и тоже ищу бандитов.

И это также было правдой. А теперь сами посудите, стоило ли старшему следователю ехать во Францию, чтобы найти там девушку, во-первых, русскую, во-вторых, тоже служащую в местной полиции? Но так уж оно вышло, и с этим, хочешь не хочешь, приходилось мириться.

- Не могу же я тебя бросить только потому, что ты ажан[2 - Agent (фр) - агент, полицейский.], - объяснял ей Волин.

- Неизвестно еще, кто кого бросит, - сердилась Иришка. - Я могу тебя вообще арестовать. Как ты оказался во Франции в разгар коронавируса? Между нашими странами сообщение закрыто.

Сообщение, действительно, было закрыто, поэтому лететь пришлось через Афины. Но, что бы там ни было, он сейчас находился во Франции, в Париже, а она и вовсе тут жила, так что ничего более естественного, чем их союз, и представить было нельзя. Впрочем, из союза этого вышла и неожиданная польза. Во всяком случае, для мадемуазель Белью.

Как-то вечером она явилась домой хмурая и даже говорить с Волиным не желала. Ему, однако, все-таки удалось ее расшевелить. Ирэн сердито посмотрела на него и топнула ножкой.

- Ненавижу этих русских! - закричала она. - Все как один - преступники и мафиози!

- Ты папе с мамой об этом говорила? - осведомился Орест. - Они, между прочим, тоже русские.

- Я серьезно, - отвечала Иришка, вытаскивая из микроволновки лазанью и раскладывая ее по тарелкам.

После недолгих расспросов выяснилась причина ее плохого настроения. За несколько дней до того был убит немолодой коллекционер русского происхождения - некий Арсений Завадский. Дом его ограбили, однако что именно вынесли, установить не удалось. Скорее всего, пропали вещи из

коллекции Завадского. Следов на месте преступления никаких не осталось, видеорекамеры в доме не работали. Не совсем ясно было, с какого именно бока братья за это дело.

В двух словах пересказав всю историю Волину, Иришка, даже не поужинав, начала переодеваться. На этот раз ее боевым облачением стало маленькое черное платье и серьги от Валентино.

- Ты куда? - с подозрением спросил старший следователь.

- В бордель, - сухо отвечала мадемуазель Белью.

Он несколько опешил.

- Я серьезно.

- И я серьезно. Убили русского, значит, придется идти к русским бандитам, запугивать их и пытаться что-то выяснить, - мрачно проговорила Иришка.

Волин изумился: у нее что, есть знакомые русские бандиты? Конечно есть, подозрительные русские у полиции все наперечет. А почему именно она? Потому что она знает язык.

Так, наконец, прояснилось дурное настроение Иришки: грядущий разговор с бандитами был ей неприятен.

- Они грязные скоты, чувствуют себя во Франции как дома, хамят и ничего не боятся, - объяснила она Волину. - Придется их запугивать.

- У тебя есть еще одно маленькое черное платье? - спросил Орест, немного подумав.

Ирэн удивилась: зачем ему? Затем, что он тоже пойдет запугивать бандитов - вместе с ней. Ей не до шуток, черт побери! А он и не шутит. Или мадемуазель ажан думает, что он ее отпустит одну к бандитам, да еще в таком виде?

– Пожалуй, – сказала она, немного поразмыслив. – Моральная поддержка не повредит...

Искомый русский бордель находился в полчаса езды от Иришкиного дома. Это оказался весьма презентабельный ресторан, полный чинных обывателей, мирно вкушающих традиционную русскую кухню по немыслимым даже для Франции ценам. Атмосфера в ресторане была спокойная и располагающая, почти домашняя.

– А где же падшие женщины? – осведомился Волин, с любопытством оглядывая зал.

– А тебе зачем? Ты сюда работать пришел, – хмуро отвечала мадемуазель Белью.

– У меня чисто научный интерес...

– Я тебе покажу интерес, – пообещала Ирэн и впиалась ему в руку ногтями. – Как это у вас говорят: всю жизнь на лекарства будешь работать!

Волин поморщился от боли и почел за лучшее больше не шутить. К ним подошел метрдотель, отдаленно похожий на пингвина: черный фрак, белая сорочка, тугие щеки и маленькие печальные глазки.

– Мадемуазель Белью, – сказал пингвин, кланяясь.

– И мой спутник, – добавила она.

Метрдотель посмотрел на Волина, как на пустое место, и снова обратился к Ирине.

– У вас заказано?

– Я хочу встретиться с Николаем.

Пингвин заколебался: Николай Николаевич, кажется, занят, и он не уполномочен...

– Пойди и доложи, – прервала его Ирэн. – И чтоб без этих ваших русских завтра и потом. Скажи: встретиться со мной прямо сейчас – в его интересах.

Метрдотель поклонился и исчез. Волин продолжал с любопытством озирать зал, освещенный интимным красноватым светом.

– Может, пока то да се, выпьем шампанского? – спросил он у Ирэн.

Та лишь насмешливо ухмыльнулась: здешнее шампанское выйдет ему в целую зарплату. А он думал, что ее тут угощают бесплатно. Если бы ее тут угощали бесплатно, у нее уже давно был бы домик на Лазурном берегу, а сама она сидела в самой крепкой французской тюрьме. Нет, ее знакомства с русскими бандитами так далеко не заходят. Она сама по себе, а шампанское можно и в супермаркете купить.

– Понимаю, честь ажана, – хмыкнув, сказал Волин.

Как из-под земли снова выскочил метрдотель. Казалось, держался он теперь в два раза предупредительнее, чем раньше. С легкими, исполненными достоинства поклонами он повел Волина и его барышню на второй этаж.

– Ты хорошо стреляешь? – спросила она его шепотом.

– Да, но только при наличии пистолета, – отвечал он так же тихо.

Кажется, провожатый все-таки услышал их, потому что чуть заметно улыбнулся.

Ирэн и Волина ввели в зал еще более просторный, и освещенный еще меньше, чем нижний, так что углы его терялись в загадочной полутьме, и в них при желании вполне могла спрятаться парочка-другая домовых. Однако Ирэн, обладавшая кошачьим зрением, сразу разглядела, что кто-то сидит в дальнем конце зала на огромном кожаном диване. И немедленно двинулась туда, опередив метрдотеля.

Тот печально посмотрел на Ореста и горестно развел руками, как бы говоря: вот такой нынче пошел клиент, лишает профессионалов работы. Если так дальше пойдет, посетители скоро сами себе начнут бифштексы жарить. Волин в ответ

возвел очи к потолку, как бы желая сказать: очень вас понимаю и совершенно с вами согласен. После чего тоже направился к дальнему дивану.

Диван был круглый и как бы обтекал собой небольшой обеденный стол. Сидя на таком диване, можно было отлично видеть собеседников перед собой и даже по бокам. Единственное, чего нельзя было видеть, так это кто встал за твоей спиной и хочет без лишних экивоков тебя прикончить. Это слегка нервировало Волина, поэтому он сел несколько боком – так, чтобы видеть, что происходит за спиной у Иришки, а она чтобы контролировала его тыл. Конечно, толку от этого было мало, да и не ждал он, что их начнут расстреливать прямо во время разговора – но все же, все же.

Николай Николаевич Серегин оказался импозантным мужчиной лет пятидесяти, одетым в настолько дорогой серый костюм, что тот казался уже почти дешевым. Внимательные серые, в цвет пиджака, глаза, крупный рот, жесткие складки на лице, выдающие бывшего единоборца – все это показывало, что человек перед ними очень серьезный.

Серегин кивнул Волину и попытался поцеловать руку Иришке, но не на таковскую напал. Та выдернула руку и заявила, что уже сто раз говорила: она не терпит домогательств.

– Это не домогательства, а обычная старомодная учтивость, – укоризненно сказал Николай Николаевич.

– Знаю я вашу учтивость – до первой кровати, – отвечала мадемуазель Белью.

Серегин поднял руки, как бы говоря: сдаюсь, и поглядел на Волина.

– Интересное имя – Орест, – заметил он. – Вы ведь, кажется, тоже полицейский, только из России?

Волин удивился: это что, так заметно?

– Мне заметно, – отвечал Николай Николаевич, улыбаясь. – Много я вашего брата мента перевидал когда-то. Но, впрочем, мы отвлеклись. Итак, какое у нас дело?

Ирэн в двух словах пересказала ему историю коллекционера Завадского.

- И ты думаешь, что это я его убил? - удивился Серегин.

- А кто еще? У вас, русских, такая же этническая преступность, как у итальянцев и китайцев. Как это у вас там говорится: своих не бросаем, чужих не убиваем?

Николай Николаевич только головой покачал на это. Странно, что мадемуазель до сих пор не уволили из полиции - за расизм и отсутствие толерантности.

- Поверь, милая, - сказал он задушевно, - русские - такие же люди, как и все остальные. И если какой-то русский погиб, это вовсе не значит, что убил его тоже русский. И тем более это не значит, что убил его я. Мне приятно, что ты так высоко меня ценишь, но я не Господь Бог и не могу убивать всех налево и направо.

Иришка с ним не согласилась: это не аргумент.

- Хорошо, - кивнул Серегин. - На сколько там обворовали этого вашего покойника?

Иришка заколебалась. Точно сказать трудно. Может, миллион, может, больше.

- Миллион, - задумчиво повторил Серегин. - Это как раз та сумма, которую я зарабатываю за день. Вот и скажи, стал бы я марать руки и рисковать всем ради какого-то миллиона?

- Жадность города берет, - отвечала Иришка.

- Не тот случай, - вздохнул Серегин.

Некоторое время они препирались, причем выглядело это, как разговор давно и хорошо знакомых людей, которых объединяют отношения любви-ненависти. Наконец Николай Николаевич не выдержал.

- Хорошо, - сказал он, хмурясь, - твоя взяла. Я попробую навести справки. И если к этому причастен кто-то из наших, непременно сообщу.

- Слово бандита? – строго спросила Иришка.

Серегин поморщился: ну, какой он бандит, но все-таки кивнул – слово.

Она поднялась, встал со своего места и Волин.

- Если позволишь, на два слова твоего кавалера, – сказал Николай Николаевич.

Иришка глянула на Серегина, потом на Волина, как бы сопоставляя весовые категории, затем кивнула Оресту: жду тебя внизу. И, не попрощавшись, пошла прочь. Николай Николаевич проводил ее взглядом, вздохнул:

- Дикая кошка... Но красота, ум, характер! Такую надо очень беречь.

- Я вижу, вы к ней неровно дышите, – сказал Волин.

Серегин нахмурился: у него к Ирине исключительно отеческие чувства.

- Серьезно? Ну, тогда у меня тоже, – кивнул Волин.

Николай Николаевич неожиданно развеселился.

- Вы остроумный человек, – сказал он, – и хороший к тому же. Вы мне нравитесь.

Орест Витальевич поднял брови, а какой господину Серегину интерес в хороших людях? С хорошим каше не сварить: ни украсть, ни убить толком он не способен.

- Скажу странную вещь: все хотят, чтобы их окружали хорошие люди, – неожиданно серьезно отвечал Серегин. – Никто не хочет сына-бандита или жену-мошенницу. Правда, с хорошими нельзя делать тот бизнес, которым занимаюсь я, но жить всегда лучше с хорошими людьми. У меня, знаете, сын...

- Тоже бизнесмен?

Нет, сын Серегина не был бизнесменом. Он был скрипачом в маленьком безымянном оркестре. Конечно, отец мог бы купить ему «Виртуозов Москвы», но он не хочет. Он ездит на работу на велосипеде, хотя мог бы на «бугатти» рассекать в сопровождении полицейского эскорта. И знаете, именно такой сын – простой, добрый и честный мальчик – греет Серегину душу.

– Больше того скажу: ради него я теперь не прибегаю к насилию, – заключил Николай Николаевич. – Мне неприятно, если он будет думать, что отец у него – негодяй.

– А раньше прибегали? – любопытно спросил Орест.

Серегин развел руками.

– Куда деваться: лихие девяностые, мы все оттуда...

Когда Волин спустился на первый этаж, Ирэн посмотрела на него внимательно: что, очаровывал его старый бандит? Небось, про сына-скрипача рассказывал?

– Было дело, – кивнул Орест.

– Не верь, все вранье.

– Что, нет сына? – удивился Волин. – Или, он, может, не скрипач никакой?

Оказалось, что сын-скрипач все-таки есть и вообще, все, что говорил Серегин, правда. Но при этом, как ни удивительно, все было враньем. Просто есть такие люди, которые любую правду превращают во вранье.

– Если Серегин скажет, что дважды два – четыре, или что Земля вращается вокруг Солнца, не верь, – толковала Ирэн.

– Но сын-то...

– Сын есть, – с досадой сказала она, – зовут Базиль. Он даже хотел меня с ним свести. Но мне не интересно, Базиль не человек, а канифоль. Тюфяк и маменькин сынок.

– Зато папаша у него обаятельный, – с некоторой ревностью заметил Волин.

– Зло и должно быть обаятельным, иначе кто попадет на его крючок, – объяснила Иришка...

Волин вздохнул: похоже, в этот раз они промахнулись и убийцу придется искать в другом месте. Он тут вот о чем подумал: хорошо бы узнать, с какими аукционными домами имел дело Завадский, и что он в последнее время продавал или покупал.

Так они и сделали. Метод, как ни странно, оказался вполне действенным. Очень скоро выяснилось, что незадолго до смерти покойный Завадский выразил желание продать кое-что на торгах аукционного дома «Лё Маре?[З - Marais (фр.) – Болото, трясина.]».

– Лё Маре? – удивился Волин. – По-французски это, кажется, болото.

– Сам ты болото рязанское, – отвечала Ирэн. – Лё Маре – исторический центр Парижа, богемный квартал, самое, как говорят у вас, понтовое место.

– Понял, – кивнул старший следователь. – И что же именно хотел продать покойник в этом твоём «Лё Маре»?

И он вопросительно поглядел на мадемуазель Белью. Та слегка нахмурила свои соболиные, как сказали бы в старину, брови. К сожалению, конкретных предметов в аукционном доме назвать не смогли.

– Как же так, ажан, не разочаровывайте меня! – взмолился Орест.

И Иришка не разочаровала. Да, предметы не были названы, но стало известно, что речь идет о вещах, принадлежавших старинному роду Юсуповых, а точнее, последнему князю из этого рода – Феликсу Феликсовичу Юсупову.

При этих словах глаза Волина блеснули странным огнем.

– Что? – спросила Иришка, как всякая почти женщина, тонко чувствовавшая перемены настроения собеседника.

– Ничего, – отвечал Волин загадочно.

Но так просто отвертеться ему не удалось. Девушка атаковала его с русским напором и французским очарованием, и он-таки вынужден был сдаться. Выяснилось, что вот именно сейчас старший следователь читает мемуары одного человека, который очень хорошо знал князя Юсупова.

– И как это нам поможет? – сурово спросила Иришка.

Этого он пока не знал. Знал только, что такое совпадение не может быть случайным.

* * *

Теперь Орест Витальевич спускался по улице Удон и думал, не в честь ли знаменитой пшеничной лапши дано было это название? Зная интерес французов к Японии, Китаю и вообще к Востоку, совсем исключать эту версию было нельзя.

Тут Волина от кулинарных размышлений отвлекла странная картина. Метрах в двадцати от него на узком тротуаре лицом к лицу стояли два немолодых уже араба в белых бурнусах и о чем-то неспешно беседовали. Сама по себе картина удивительной не была: нынче иммигрантов в Париже, наверное, больше, чем натуральных французов. Странно было, что парочку эту обходят за версту все, кто шел по улице вверх или спускался по ней вниз.

Подойдя поближе, Волин понял, в чем тут дело. Почтенные сарадины встали так, что пройти по тротуару можно было только между ними. Однако как раз этого по понятным причинам они и не хотели. Поэтому всякий раз, когда к ним приближался кто-то, желавший пройти промеж них, один из двух поднимал ладонь, как бы семафоря: не подходи!

Это было достаточно странно уже и само по себе. Но гораздо удивительнее было то, что прохожие покорно обходили детей Востока стороной, для чего приходилось даже выбираться на проезжую часть.

Не то чтобы Волин свалился с Луны и не знал, что иммигранты в Париже чувствуют себя, как дома, но все-таки такое поведение показалось ему чрезмерным. И он, не торопясь и тихонько посвистывая, двинулся прямо на двух ближневосточных джентльменов. Когда до цели оставалось метров десять, ближний к нему араб повелительно поднял ладонь, останавливая наглого крестоносца.

Но старший следователь, видимо, не силен был в арабской жестикуляции, потому что продолжал двигаться вперед – медленно и неуклонно, как ледокол.

Достопочтенным маврам это совсем не понравилось, так что уже и второй выставил вперед ладонь, специально для непонятливого русского. Но русский, увы, понятливее не стал – может быть, все-таки права была Ирэн, считавшая русских дикарями, не знающими даже основ толерантности и политкорректности?

Когда до них оставалось не более нескольких шагов, дети Востока занервничали и грозно уставились на Волина. По преданию, в старые времена воины султана Салах-ад-Дина такими взглядами обращали в бегство крестоносцев. Но Орест Витальевич, увы, не был крестоносцем, он был потомком русских витязей, которые не то что сарацинов, но даже и псов-рыцарей клали на одну ладонь, а другой пришепывали. Видя такую решимость, арабы сжали кулаки, готовые отстаивать свою идентичность любыми доступными средствами. Однако тут старший следователь сделал совершенно неожиданный ход. Продолжая двигаться вперед, он тихонько рявкнул «Аллаху акбар!» и настежь распахнул полы своего пиджака.

Разумеется, никакого жилета смертника на нем не было, а в карманах не завалялось даже самого простенького коктейля Молотова, но арабам было не до тонкостей. Они рванули с места с такой скоростью, что им позавидовал бы и русский заяц.

Проходящая мимо француженка бросила на Волина заинтересованный взгляд и негромко воскликнула «ола-ла!» В этом «ола-ла» прочел он чрезвычайно лестное для себя: «Смотрите, вот настоящий мужчина, не то, что нынешние тюфяки!»

– Ты не полицейский, ты бандит, – сердито заметила Ирэн, когда он вечером пересказал ей эту историю.

Волин заспорил: а с какой стати арабы заводят в Париже свои порядки? В конце концов, он такой же приезжий, и у него не меньше прав.

– Я не про арабов, – сказала она, – я про то, что ты перемигиваешься на улице с первыми попавшимися кокотками. У тебя, между прочим, своя девушка есть.

– Я ей так и сказал, – смиренно отвечал Волин.

– И что она тебе ответила?

– Послала к черту.

Ирэн поглядела на него и усмехнулась – ладно, Дон Жуан, ты прощен. Мерси, отвечал старший следователь, после чего встал в позу и продекламировал:

– Нет, я не дорожу мятежным наслаждением,

Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,

Стенаньем, криками вакханки молодой,

Когда, вясь в моих объятиях змией,

Порывом пылких ласк и язвою лобзаний

Она торопит миг последних содроганий!

О, как милее ты, смиренница моя!

О, как мучительно тобою счастлив я,

Когда, склоняся на долгие моления,

Ты предаешься мне нежна без упоенья,

Стыдливо-холодна, восторгу моему

Едва отвечаешь, не внемлешь ничему

И оживляешься потом все боле, боле –

И делишь наконец мой пламень поневоле!

Ирэн нахмурилась:

– Никакая я не смиренница. Это что, Пушкин?

– Он, – кивнул Волин. – Как услышишь русские стихи, всегда говори «Пушкин», не ошибешься. Но сейчас, как ни странно, речь не об Александре Сергеевиче. Когда я нес бремя белого человека на рю Удон и не позволял Востоку сойтись с Западом, меня осенила одна идея. Я зашел на сайт аукционного дома «Лё Маре» и посмотрел результаты последних торгов – тех самых, в которых должен был участвовать покойный Завадский...

На сайте «Лё Маре» старший следователь обнаружил совершенно неожиданную вещь. Среди проданных лотов он увидел несколько предметов, некогда принадлежавших князю Юсупову. Не кажется ли ей странным такое совпадение?

Ирэн отвечала, что ничего тут странного нет: аукцион тематический. Один обладатель юсуповских вещей исчез, другой появился.

– Очень правильное слово – появился, – кивнул Волин. – А, может быть, он появился именно потому, что исчез прежний владелец?

Ирэн задумалась. Не хочет ли он сказать, что эти вещи были взяты у Завадского, а на аукцион их выставил грабитель?

Старший следователь отвечал, что, может, и не сам грабитель, но не исключено, что вся история так или иначе связана с ограблением.

– А ты уверен, что проданные лоты действительно принадлежали Юсупову? – спросила Ирэн.

– Суди сама. Было продано несколько портретов его жены Ирины Александровны и портрет самого Юсупова.

Ирэн покачала головой: это ничего не доказывает. Портрет жены Юсупова да и самого князя изначально мог принадлежать совсем другим людям. Мог, согласился Волин. Но среди прочего был продан один предмет, который уж точно принадлежал князю.

- Что за предмет?

- Собачий жетон его бульдога Панча.

- Ты уверен, что...

- Я абсолютно уверен, - перебил он ее. - И ты сейчас тоже будешь уверена. Не забыла еще, как читать по-русски?

И Волин развернул к ней ноутбук с открытым текстом. Это, сказал, мемуары столетней давности, написанные тем самым русским детективом, который хорошо знал князя Юсупова.

- Прочти, не пожалеешь.

И старший следователь, чрезвычайно собой довольный, скрестил руки на груди. Ирэн только головой покачала, но все же села к столу и щелкнула мышкой. Экран осветился каким-то нездешним, сказочным светом...

Глава первая. Нимфа и рыцарь

- Светлана Александровна, да что же вы делаете, голубушка?! Откуда эта мировая скорбь в глазах, вы же не васнецовская Аленушка с утонувшим козлом. Вам не к лицу трагедия, вы - нимфа, вы - богиня! Глядите игриво, загадочно. Дайте ауру, больше тайны, вы не председателя сельсовета хороните, в самом-то деле!

Старый учитель рисования сердито тыкал в Лиси?цкую пальцем, пытаюсь добиться от нее правильного, то есть божественного выражения лица.

Господи, думала она, богиня, нимфа... Ну какая она там нимфа, это просто смешно, ей же ей! Нимфы – девушки полные, дебелие, пышущие здоровьем: неловкое движение, случайный разворот – и вот уже с ног сбит любопытный сатир, подкравшийся слишком близко. А у нее – откуда чему взяться? Тонкая, полупрозрачная почти, с длинными ногами, неярким изгибом бедра, маленькой грудью, изящными и оттого особенно беспомощными балетными ручками. И даже каштановые волосы, распущенные на время сеанса, не спасают и не делают из нее ни нимфу, ни богиню. Настоящая советская нимфа должна быть пролетарского происхождения, широкой кости, железного нрава – одним словом, верная боевая подруга какому-нибудь большевистскому богу, равно готовая и к трудовому подвигу, и к акту пролетарской любви. Светлана же, с ее балетными замашками и прямой спиной, не нимфа и не богиня никакая, а ходячая контрреволюция – вот так вот, граждане живописцы, и никак иначе. Слава богу, что тут все свои, и никто не побежит в ОГПУ жаловаться на сомнительное происхождение натурщицы и говорить, что недостаточно она толста, чтобы нимф представлять перед лицом трудового народа, а понадобится – то и всей мировой буржуазии.

– Ножку, ножку чуть разверните, – командовал тем временем старый профессор, – так, чтобы на живот ложилась загадочная тень...

Повернула и ножку, ей не жалко. Времена, когда она смущалась взглядов молодых художников, давно прошли. Да и смущалась ли когда-нибудь? В конце концов, та же самая работа, бесстыжая с точки зрения обывателей, волнующая с точки зрения ценителей. Только раньше она служила Терпсихоре[4 - Терпсихора – в древней Греции муза танца.], а теперь, пожалуй, что и самому Аполлону Мусагету[5 - Аполлон Мусагет – древнегреческий бог Аполлон, в данном случае – предводитель муз, в этой своей функции являющийся покровителем всех изящных искусств.]. Да и чего стесняться, в самом-то деле? Студенты второго курса привыкли уже к обнаженным телам, взгляды бросают холодные, профессиональные. Не изгиб бедра их волнует, не ножка и не маленькая грудь, а игра света и тени. Одно, пожалуй, есть исключение из правила – студент Сережа, милый мальчик с соломенными волосами, с глазами синими, с чертами лица тонкими, совсем не пролетарскими. Сережа не холоден и не безразличен, смотрит взглядом огненным, жадным, а встречаясь с ней глазами, краснеет, опускает взор.

Смотри, смотри, мальчик, ей уже не о чем жалеть и нечего прятать. Ее огонь отгорел, и не потому, что ей уже сорок, а просто так сложилась судьба. Так уж

вышло, что человек, с которым хотела бы она провести всю жизнь и умереть в одночасье, исчез так же внезапно, как и появился.

В те годы Лисицкая была еще совсем юной, подающей надежды балериной Мариинки, ей прочили большое будущее, к ней приглядывался сам Ш., да как приглядывался! Но она отвергла его ухаживания – вот еще, женатый мужчина! К тому же как раз в это время на ее горизонте появился Он. Состоятельный, умный, ослепительно красивый человек из общества, его превосходительство Нестор Васильевич Загорский мог очаровать любую даму, хоть даже и кого-нибудь из великих княгинь, но остановил свой взгляд на девчонке, едва закончившей балетный класс.

Разница между ними была в тридцать лет, но она этой разницы никогда не ощущала. Она просто любила его, счастливо и безоглядно, как может любить только совсем юная девушка. И ей завидовали, о, как ей тогда завидовали! Что, как, почему этой девчонке достался Загорский? Воля ваша, но без колдовства тут точно не обошлось!

Она и сама иногда не могла понять, за что ей такое счастье. Увы, счастье длилось недолго и кончилось почти так же внезапно, как и началось.

Подводя итоги, можно сказать, что Ш., которым Светлана пренебрегла, сломал ей карьеру, а Загорский, которого она любила больше жизни, сломал ей саму жизнь. Нет, она не в претензии, и никогда не была в претензии. Загорский не мог принадлежать ей, и никакой из женщин, он принадлежал только своему делу, своей профессии, будь они трижды прокляты – и дело это, и эта профессия!

Нестор не предлагал Светлане замужества, а она сама была слишком горда, чтобы заводить об этом речь. Впрочем, однажды разговор у них все-таки состоялся – это случилось после одной из его обычных долгих отлучек.

– Я не зову тебя замуж, – сказал он тогда, – по одной простой причине. У меня крайне опасная работа, я в любой момент могу просто не вернуться с задания. Да и что за радость связывать жизнь со стариком? Ты молода, красива, впереди у тебя слава, может быть, мировая – а мне уже пятьдесят. Кроме того, неизвестно, сколько мне на роду написано. Ты ведь не захочешь остаться молодой вдовой... А еще хуже будет, если протяну я долго, и старик-муж

окончательно заест твою молодость и всю твою жизнь.

Уже позже Лисицкая поняла, что так проявилась обычная мужская трусость, нежелание принимать окончательное решение, а тогда просто проглотила обиду и отошла в сторону. Да, да, это именно она, она сама его бросила, а не он, как шептались врагини ее, а пуще того – ее подруги. Светлана оказалась слишком горда, она поняла только, что он ее не любит по-настоящему и, наверное, никогда не любил, а коли так, то подачек ей не нужно.

Ах, как она была юна и как глупа! Лисицкая не понимала тогда, что мужчины сами часто не знают, что им нужно, и иной раз потребно лишь небольшое терпение и постоянство, чтобы все устроилось. А если терпения нет, то и ничего не будет. Потому что, порвав один раз с женщиной, особенно таким, как Загорский, обратно с ним не сойдешься. У них, у мужчин, ведь тоже есть своя гордость, хоть и другая, не такая как у женщин. Они не понимают игры, тонкой интриги, они не различают вызова и окончательного разрыва. Загорский, увы, в этом смысле ничем не отличался от остальных. Поцеловал ее в лоб, как покойницу и ушел. А она осталась – рыдать и грызть подушку в полном одиночестве.

Были у нее еще мужчины потом? Разумеется, были. И не оттого, что она была молода и привлекательна, а оттого, что женщине нельзя быть одной. Женщина должна чувствовать рядом тепло, защиту, мужское плечо. Ей надо на кого-то опереться – и тогда она, как Анте?й[б - Антей – древнегреческий великан, получавший неодолимую силу от соприкосновения с землей и терявший эту силу, если его от земли оторвать.], сама станет в десять раз сильнее. Значит, мужчина ей был нужен, как точка опоры? Нет, не так! Мужчина ей был нужен как рыцарь в белых доспехах, как спаситель, как любовь. Но ее рыцарь бросил ее и сбежал, а второй такой, увы, больше не появился. Да, впрочем, она и не ждала.

Годами Светлана терпела боль расставания, такую невыносимую, что пару раз пыталась даже покончить с собой, но все неудачно. Может, боялась, может, думала, что нельзя умирать: иначе что же это будет – он останется, она уйдет и никогда больше его не увидит?

Со временем душевная рана, нанесенная Загорским, болеть не перестала, но тревожила теперь не так сильно, просто ныла, как у ревматика ноют кости к перемене погоды. Могла ли Светлана подумать, что любовь и ревматизм – явления примерно одного рода? Увы, увы, очень скоро стало ясно, что время

ничего не лечит, но лишь превращает острую боль в тупую и застарелую.

Впрочем, она все же посматривала на Загорского – но так, чтобы он не догадался. Лисицкая знала, что бывший возлюбленный изредка приходит на балеты, где танцует она. Знала и то, что Нестор так и не женился, и от этого в душе ее время от времени вспыхивали какие-то безумные надежды, вроде той, что он до сих пор ее любит и однажды после представления на глазах у всех подойдет, встанет на колени и попросит быть его женой. Или бог уж с ним, с коленом, и бог с ней, с фатой, пусть уж просто скажет, что любит, что жить без нее не может и что им надо, непременно надо снова сойтись и жить так же счастливо, как и прежде.

Однако годы шли, Лисицкая не становилась моложе, и таяла надежда, что когда-нибудь она снова увидит его с расстояния меньше, чем от балкона до рамп. Потом случилась война, революция, примы вроде Анны Павловой[7 - Анна Павлова – великая русская балерина.] эмигрировали, а все прочие бегали в поисках куска плохо пропеченного хлеба и гнилой воблы, готовые на все, лишь бы не умереть с голоду. С началом НЭПа стало полегче, но в театр, разумеется, она уже не вернулась, да ее и не ждали там – тоже мне Кшесинская, тоже мне Карсавина![8 - Матильда Кшесинская, Тамара Карсавина – знаменитые русские примы-балерины.]

Учила танцам деток богатых нэпманов, подрабатывала натурщицей в художественном училище – вчерашние дети крестьян и рабочих рисовали и лепили с нее нимф, богинь и прочих андромах и сабинянок. Позировать ей было легко – привычка к нечеловеческим нагрузкам и ежедневные балетные классы сделали Светлану чудовищно терпеливой, и она могла часами совершенно спокойно сидеть в самых неудобных позах. С нее, разумеется, рисовали и танцовщиц, но этот жанр она любила менее всего, вероятно, потому, что так и не стала примой.

Ее немного развлекала платоническая, с почтительного расстояния, любовь студента Сережи, который и хотел, да не решался подойти и объясниться. А, может, оно и к лучшему, что не решался. Что бы она ему ответила – мальчик, я гожусь вам в матери? Пошло, пошло и глупо. Или, может быть, уступила бы порыву запоздалой страсти? Даже если бы и так – то к чему, зачем? Та часть ее души, которая отвечала за любовный жар, кажется, омертвела бесповоротно. Конечно, самолюбие тешил тот факт, что она еще может нравиться, притом не только состоятельным нэпманам, но и совсем молодым людям, но только ничего

этого она уже не хотела, просто не хотела и все. Душа ее покрылась коркой равнодушия, и лишь изредка на ней, как на застывающей лаве, вспыхивали огоньки горечи и сожаления.

Тем не менее, совсем недавно появился на ее горизонте один солидный господин – что-то торговое, какие-то экспортно-импортные операции. Звали его Анатоль – так, во всяком случае, он рекомендовался, а что там на самом деле, ее не очень интересовало. Анатоль так Анатоль, после тяжелейших лет революции люди снова захотели чего-то светского, изящного – в том, конечно, виде, как они это изящное понимали. Ей, знакомой с настоящей аристократией, все эти потуги казались смешными, если не вовсе смехотворными. Анатоль, впрочем, был деликатен, почти робок, события не торопил, ухаживал вежливо, хоть и несколько суконно. Она с тоскою вспоминала Загорского и тот огонь, который он в ней пробуждал, и невольно сравнивала их обоих, но сил прогнать ухажера у нее так и не достало – а все потому, что женщина не должна быть одна, ей нужен рыцарь в белых доспехах, пусть даже из всех доспехов на нем один только толстый кошелек...

Впрочем, Анатоль появился чуть позже, а до этого произошло одно удивительное событие, которое перевернуло ее жизнь. Сначала событие это показалось ей смешным. Поразмыслив, она сочла его странным. Затем подозрительным и, наконец, опасным. Прошло время, и Лисицкая почувствовала, что судьба уловила ее в какие-то невидимые, но страшные тенета, и она, как мушка, уже бьется в них, еще не осознавая толком, что попалась, погибла и жизнь ее кончена.

Поняв же это – точнее, не поняв даже, а почуяв, – она первым делом подумала о Загорском. Нестор был единственный человек, способный ее спасти. Но что случилось с ним после революции, жив ли он еще? То есть да, конечно, жив, в этом она не сомневалась – он же не мог умереть, не увидев ее напоследок. Но вот где он теперь жил – это вопрос, который требовалось разрешить. В прежнем его доме на Морской Загорского не было, она знала это точно. Однако в доме до сих пор жил его старый дворецкий Ки?ршнер и была надежда, что он-то должен знать, где искать Нестора Васильевича...

– Ах, барышня, – вид у Ки?ршнера был печальный и какой-то потертый, годы революции и советской власти не прошли для него даром, – ах, дорогая барышня, что я могу вам сказать?

Дворецкий по старой привычке звал Лисицкую барышней, хотя она уже никак не могла таковой считаться по целому ряду причин. Но он ее так звал, и она не сердилась, напротив, от этого сердце ее дрогнуло и забилось, почти как в старые времена, когда она ждала прихода Загорского.

– Но ведь он жив, жив? – воскликнула она умоляюще. – Скажите, что он жив, прошу вас, дорогой Артур Иванович!

Разумеется, Киршнер не выдержал ее умоляющего взгляда и опасливо оглянувшись, хотя в комнате они были одни, тихонько кивнул головой. Светлана немедленно возликовала: слава Богу, слава Богу! Но где же он живет, где можно его найти?

Дворецкий скроил трагическую физиономию, на лице его было ясно написано: ну вот, теперь все пропало! Зачем барышне знать, где обретается Нестор Васильевич, довольно и того, что она знает, что он жив. И этого, впрочем, уже много, слишком много, зря он поддался на ее уговоры, лучше бы откусил себе язык, так-то оно было бы надежнее, верьте слову.

– Ах, любезнейший Артур Иванович, – горячо перебила она, – я не могу сказать всего, но спасти меня может один Загорский. Я в таком положении, если бы вы только знали!

Она поймала испуганный взгляд Киршнера, который тот бросил на ее живот и нервически рассмеялась.

– Нет-нет, да и не могло этого быть, ведь мы не виделись с ним много лет. Но сейчас мне угрожает ужасная опасность. Если я не свяжусь с Нестором Васильевичем, я могу просто погибнуть.

Старый дворецкий слушал ее и согласно кивал головой. Конечно, он думал, что как всякая женщина, она немного драматизирует – а, впрочем, черт их знает, этих женщин! Сам Артур Иванович никогда не состоял в браке и представление о женских обыкновениях имел самое поверхностное. Несмотря на внушительный и даже грозный внешний вид Киршнер имел доброе и жалостливое сердце и не мог, конечно, не помочь барышне, хотя это же самое сердце ясно говорило ему, что вся эта история не к добру.

Получив московский адрес Загорского, Светлана, как гимназистка, чмокнула дворецкого прямо в нос и упорхнула прочь. Тот проводил ее тоскливым взглядом: о Господи, что-то теперь будет?!

Первым делом она телеграфировала Загорскому. Телеграмма была сбивчивая, малопонятная, и сама Лисицкая, доведись ей получить такое послание, едва ли бы догадалась, о чем идет речь. Но ее бывший возлюбленный обладал самым ясным умом во всей Российской империи, а теперь, возможно, и во всей РСФСР. Поэтому ответ его был кратким: «Приезжай, как только сможешь. Жду».

Когда она прочитала эти строки, голова ее закружилась. Он ждет ее, он ждет – все, как в прежние годы! Светлана подбежала к большому зеркалу в прихожей, окинула себя придирчивым взглядом. Фигура все та же, что и двадцать лет назад – гибкая, стройная. И то сказать, на гречневой каше особенно не разъешься, да и два часа балетного станка ежедневно делают свое дело. Но лицо, Боже мой, что за лицо! Нестор наверняка помнит юную девушку, почти ребенка, а теперь из зеркала глядела взрослая женщина с глазами побитой собаки. Нет-нет, так нельзя. Во-первых, надо вернуть улыбку, ту самую улыбку, с которой выходила она на сцену, и которой рукоплескали ее верные поклонники. Во-вторых... Что же во-вторых? А вот что – грим, макияж!

Грим действительно спас: придал лицу и молодость, и интересность, и даже живость какую-то. А может, дело не в гриме было, а просто в настроении, в предощущении встречи с Загорским? Именно оно, предвкушение, вернуло глазам блеск и коже свежесть, а грим только помог, подчеркнул благие перемены.

Пребывая в лихорадочно-приподнятом настроении, она отправилась на вокзал, купила билет на завтрашний ночной поезд. На обратном пути забежала на почтамт, отбила Загорскому еще одну телеграмму, чтобы встречал ее в Москве на вокзале. Теперь оставалось еще одно небольшое, но очень важное дело.

Вернувшись домой, Лисицкая вытащила спрятанный в кладовке рулон, развернула его. Это была картина, с нее на Светлану смотрела нимфа с ее собственным лицом. С минуту она разглядывала холст со смешанным чувством ужаса и восхищения, потом снова свернула картину в рулон и, как могла, упаковала.

Спустя десять минут ответственный съемщик Александра Петровна Домогорова, жившая в доме напротив и от нечего делать проводившая целые дни у окна, увидела, как мадемуазель Лисицкая выскочила из парадного и резвой балетной стопой устремилась в неизвестном направлении. Если бы Александра Петровна была чуть более легкой на подъем, она смогла бы выскочить из подъезда, побежать за Светланой и увидеть, что та направлялась к ближайшему почтовому отделению.

Но Александра Петровна не побежала следом и ничего не увидела. Зато все увидел человек в сером плаще и серой же шляпе, надвинутой на лоб так, что никак нельзя было разобрать его лица. Этот человек скучал рядом с домом Лисицкой, а когда она вышла на улицу, тут же пристроился идти следом в некотором отдалении. Бывшая балерина торопилась и была очень взволнована, а потому на серого гражданина не обратила никакого внимания.

На почте Лисицкая отправила холст срочной посылкой на адрес Нестора Васильевича в Москве. Потом снова побежала домой. Она чувствовала необыкновенное воодушевление – совсем скоро ее ждет встреча с бывшим возлюбленным... Впрочем, нет, не так. Не с бывшим, а с единственным, рыцарем в белых доспехах, с тем, кто спасет ее от опасности и от всех вообще тягот жизни, которые неотступно преследовали ее в последние годы.

Пробегая через площадь Нахимсона, бывшую Владимирскую, Светлана вдруг заметила белую, в деревянных кружевах, вывеску нэпманского ресторана над большими прозрачными окнами, в которых заманчиво горели богемского стекла люстры – и встала, как вкопанная.

«Кушать подано!» – гласила вывеска с простоватым нэпманским кокетством. Конечно, это не был знаменитый на весь Петербург ресторан «Медведь», куда они некогда заходили с Загорским, это было вполне советское заведение. И все же там наверняка имелись белые скатерти, вежливые официанты и вполне приличная еда. К тому же Светлана так давно не была ни в каких ресторанах – наверное, как раз с февральского переворота. Ей почему-то ужасно захотелось к этим люстрам, этим скатертям, всему этому празднику, захотелось шампанского, пулярок, омаров. Конечно, никаких пулярок в советском ресторане не было, как не было и быть не могло омаров, однако бокал шампанского девушке наверняка нальют. Само собой, даже скромный ужин тут будет стоить ее недельного заработка, но ведь ей так этого хотелось! И, кажется, она имела на это право...

Из ресторана Лисицкая вышла спустя два часа, совершенно осолопевшая от сытной и вкусной еды. Вечерний Ленинград сделался таинственным, почти сказочным, огни текли ей навстречу, по улицам катили моторы, в них сидели счастливые люди. И Светлана шла по улицам почти счастливая, для полного счастья не хватало только, чтобы рядом был Загорский.

Но ничего, уже послезавтра она его увидит, она пожмет ему руку, жульническим образом, как и положено после долгой разлуки, похитит у него объятие и даже, чем черт не шутит, сорвет с губ его незаконный поцелуй. И в самом деле, почему бы и нет? Что может быть невиннее поцелуя между людьми, которые много лет не виделись? Кто усмотрит в этом что-то неприличное или того хуже, контрреволюционное? Нет таких людей, а если и есть, то пошли они к черту, а она будет делать то, что захочет... Представив на минутку, что бы она стала делать с Нестором, если бы тот позволил, Светлана зажмурилась на миг, потом открыла глаза и побежала почти вприпрыжку.

Спустя сутки с маленьким саквояжем, в котором было только все самое нужное, Лисицкая вошла в вечерний поезд «Ленинград-Москва». Зачем ей саквояж, спросит наивный читатель, ведь у Светланы намечался пусть и очень важный, но всего один-единственный разговор с Загорским? Так мог думать только человек, совершенно незнакомый с ее бывшим возлюбленным. Но она-то знала, что Нестор – джентльмен, и значит, не погонит прочь женщину сразу после разговора, и не выставит ее на улицу одинокую и несчастную. Денег на гостиницу у нее тоже нет, в рабочем общежитии ночевать она не может – таким образом, совершенно очевидно, что ему просто придется оставить ее на ночь. Конечно, где-то рядом будет маячить этот несносный Ганцзалин, но вряд ли Нестор с китайцем живет в одной комнате. А даже если и так, неважно, пусть об этом думает Загорский, в конце концов, это же он мужчина, он должен все решать!

Бес привольной жизни, который пробудился в ее душе, когда она узнала новый адрес Загорского, бушевал, и резвился, и побуждал к разным безумствам. Привело это, в частности, к тому, что она не только пошла вчера в ресторан, но и купила себе место в купе. А это было гораздо дороже, чем в общем вагоне.

Конечно, в купе кроме нее могут ехать еще три человека, но, скорее всего, это будет чистая публика, и они не станут ей слишком докучать. Сознательные же пролетарии и трудовое крестьянство ездят в общем вагоне, так что бояться ей

совершенно нечего. А может и такое случиться, что никого, кроме нее в купе не окажется, и всю ночь она проведет одна, думая о предстоящей встрече с Загорским. Светлана даже хотела взять с собой в поезд бутылочку сухого вина, но передумала – хороша она будет, если явится перед ним под хмельком. К тому же от ночных возлияний могут появиться мешки под глазами, а она хотела, чтобы он увидел ее почти такой, как двадцать лет назад.

О том, что за прошедшие годы Загорский и сам мог состариться и ждет ее уже не импозантный джентльмен, а старая развалина, Лисицкая не думала по одной простой причине – этого просто не могло быть. За то время, пока жили вместе, она достаточно изучила его характер и знала, что Нестор лучше умрет, чем даст себе постареть.

Интересно, брови у него по-прежнему черные или все-таки сравнялись цветом с прической? И он все еще носит свое железное кольцо, которое досталось ему от деда? Ах, как она возревновала, в первый раз увидев это кольцо у него на руке! Почему-то ей показалось, что это подарок какой-нибудь прежней возлюбленной и некоторое время Лисицкая терзалась подозрениями, пока, наконец, не выяснилось, что это просто памятное кольцо, сделанное из кандалов его деда-декабриста.

Поезд тронулся, а в купе так никто и не появился. Светлана было возликовала – неужели же она поедет в купе одна? Но потом одернула себя: мало ли что, может быть, на следующей станции войдет семейство с крикливым и сопливым ребенком, который всю ночь не даст никому и минуты покоя.

Но она ошиблась, никакого семейства так и не появилось. Однако спустя пять минут после отправления дверь в купе открылась и на пороге показался солидный господин в сером плаще и серой же шляпе-котелке. Он снял котелок, и Лисицкая увидела знакомое квадратное лицо, чуть прищуренные глаза, резкие складки вокруг рта и стриженные бобриком каштановые волосы.

– Анатолий! – ахнула она. – А ты что здесь делаешь?

Увидев ее, пассажир заморгал глазами.

– Что я делаю? – спросил он несколько недоуменно. – Я, видишь ли, еду в Москву по делам.

Господи, да что он такое говорит? Это же она, она едет в Москву по делам!

- Хорошо, - рассудительно отвечал Анатоль, - ты тоже можешь ехать в Москву по делам. Мы оба можем ехать в Москву по делам, не так ли?

- В одном купе? - изумилась Лисицкая.

Анатоль только руками развел: тут он совершенно не виноват, в кассе ему выдали билет именно в этот вагон и именно в это купе. Но если ей его соседство так неприятно...

- Перестань говорить глупости, - перебила она, - что значит - неприятное соседство? Я очень рада тебя видеть, хотя это на самом деле очень странное совпадение.

Светлана несколько кривила душой. С одной стороны, узнав, что соседом ее будет Анатоль, она немного успокоилось - во всяком случае, рядом с ним она в абсолютной безопасности и никакие дети ей совершенно не страшны, пусть даже и самые сопливые. С другой стороны, ее на вокзале должен встречать Загорский. А что, если давний возлюбленный увидит ее нового кавалера, или наоборот? Если они догадаются друг о друге, это может выйти крайне неловко... Но что же теперь делать: не ссаживать же, действительно, Анатоля с поезда!

Светлана бросила на него быстрый взгляд исподлобья. Он уже спрятал свой портфель (видимо, в Москву тоже ненадолго), уселся напротив, но смотрел почему-то не на Светлану, а в окно, где катилась им навстречу бархатная летняя ночь.

Он прячет глаза, подумала она, но почему? И тут же догадалась, что Анатоль, очевидно, смущен, впервые оказавшись с ней в столь интимной обстановке.

- Хорошо, - повторила она, - хорошо, я очень рада. В конце концов, это даже лучше. Мы сможем спокойно поговорить с глазу на глаз.

О чем она может спокойно поговорить с Анатодем с глазу на глаз, Светлана не очень понимала. Надо сказать, что и прежние их разговоры проходили обычно один на один, так что никто им особенно не мешал. Но сейчас Лисицкая была

несколько выведена из равновесия, и, кажется, говорила первое, что приходило в голову.

Конечно, с другим человеком для маскировки она пустила бы в ход очарование и кокетство, но очаровывать Анатоля было бы несколько странно. Оставалось придумать, чем они займутся в ближайшее время – все-таки до Москвы целая ночь езды.

– У меня есть коньяк, – сказал Анатолий. – К вечеру, мне кажется, несколько похолодало, неплохо бы согреться.

Это все бес, поняла она, тот самый бес привольной жизни продолжает ее искушать. Ну, а что, если она возьмет и поддастся искушению? Почему бы и нет? Она взрослая женщина и имеет полное право. Главное, не зайти слишком далеко: в преддверии свидания с Загорским излишняя близость с Анатолием была бы на самом деле лишней.

– Ладно, – проговорила она, – наливай, но предупреждаю: без глупостей.

Он улыбнулся неожиданно насмешливо. Вот как? И что же она будет делать, если он все же позволит себе некоторые глупости. Закричит? Или, может быть, пустится в пляс?

Она насупилась: это грубо и неостроумно, Анатолий. И вообще, балерины не пляшут, они танцуют, пора бы уже усвоить эту азбучную истину. Пляшут деревенские бабы и сознательные пролетарии, приняв на грудь беленькой, пляшут дрессированные медведи в цирке, пляшут разные там кокотки в кафешантанах, но никак не балерины...

Перечисляя пляшущих Лисицкая сама не заметила, как выпила из поездного граненого стакана темно-коричневой обжигающей жидкости. Глоток оказался слишком большим, и она открыла рот и стала махать ладошкой, пытаясь затушить огонь внутри.

– Что за коньяк? – спросила она, кашляя.

– Армянский, – отвечал он.

Светлана поморщилась: лучшие коньяки делают во Франции. Как посмотреть, заметил Анатолий загадочно, вот, например, товарищ Сталин больше любит армянский.

- Верю тебе на слово, - отвечала она, - так как ни разу не пила с товарищем Сталиным.

Светлана как-то очень быстро и неожиданно опьянела. Впрочем, много ли было ей надо без привычки и при таком хрупком телосложении? Сначала она захотела петь, потом танцевать, а потом вдруг обнаружила себя лежащей на полке, заботливо укрытой одеялом. Над ней наклонился Анатолий и смотрел на нее, не отводя внимательных глаз, как-то странно горевших в свете ночника.

- Ты воспользуешься моим беспомощным положением? - обиженно проговорила она.

- Непременно, - отвечал он. - А теперь спи.

И, наклонившись, поцеловал ее в лоб. Она поразились, какие холодные у него губы - как будто он был мертвец. А, может быть, мертвец был не он, а она, потому что если в жизни человека нет любви, он считай, тот же самый мертвец и есть, и даже, может быть, еще чего похуже... Она хотела додумать эту странную мысль до конца, но сил у нее уже не осталось, она закрыла глаза и провалилась во тьму.

Глава вторая. Двойное дно искусства

Сказать, что телеграмма Лисицкой совсем не взволновала Загорского, значило бы покривить душой. Впрочем, речь тут шла не о любовных переживаниях - его встревожил тон послания. Светлана, несмотря на всю страстность ее натуры, всегда была девушкой очень разумной и волевой. Телеграмма же свидетельствовала о полном душевном раздразнении. Похоже, действительно случилось нечто необычное и угрожающее. Впрочем, гадать не стоит, очень скоро все прояснится и так.

Нестор Васильевич, стоявший на перроне Октябрьского вокзала[9 - Октябрьский вокзал – так в 1923-37 годах назывался Ленинградский вокзал Москвы.], посмотрел на часы – поезд должен был подойти через три минуты. И он, действительно, подошел, однако вместо свистка дал густой и длинный гудок, в котором Нестору Васильевичу почудилось нечто траурное. И даже поезд показался ему не поездом, а огромной лодкой Харона[10 - Харон – в древнегреческой мифологии лодочник, перевозящий души мертвых через реку Стикс в подземном царстве Аида.], перевозящей мертвецов через Стикс. Отогнав от себя дурацкие картины, детектив изобразил на лице подходящее к случаю выражение – сдержанную радость пополам с легким смущением. Женщина – как минимум, в первые минуты разговора – должна почувствовать себя хозяйкой положения. В противном случае она огорчится и будет думать о неравенстве полов и о том, как избыть эту несправедливость, о деле же может и вовсе забыть.

Поезд стоял уже пару минут, а двери все не открывались. Впрочем, нет, не так. Двери не открывались в третьем вагоне, возле которого ждал Нестор Васильевич, из остальных же пассажиры выходили как ни в чем ни бывало, вытаскивая на свет божий разнокалиберные тюки, саквояжи и чемоданы.

Загорский разглядел за нечистым дверным стеклом вагона бледную физиономию проводника и нетерпеливо стукнул в дверь. Но тот повел себя странно: отчаянно замахал руками, а потом и вовсе отвернулся.

Прошло еще несколько минут, и на перроне появился милиционер. Он решительным шагом направился к третьему вагону и, оттеснив Нестора Васильевича, вошел внутрь – ему проводник, само собой, не посмел препятствовать, и дверь тут же снова захлопнулась перед носом Загорского.

Спустя еще пару минут явились санитары с носилками, сопровождаемые сухоньким пожилым доктором в слабых очочках. Медиков тоже беспрекословно пустили в поезд, а Загорскому ничего не оставалось, кроме как проводить их мрачным взором.

– Ох, дружище, чует мое сердце, не к добру это все, – сказал Загорский, забыв, кажется, что верного его Ганцзалина не было рядом: несмотря на упорное сопротивление, он был оставлен дома на хозяйстве.

Спустя пять минут двери снова открылись, и из них вынырнули санитары с носилками. Тело на носилках было прикрыто простыней, но при взгляде на него у Загорского дрогнуло сердце – слишком часто он видел этот силуэт рядом с собой, чтобы сейчас ошибиться.

Нестор Васильевич решительно встал на дороге у санитаров, не говоря ни слова, откинул простыню. Синюшные губы, мраморная кожа, трагический изгиб рта... Лицо Загорского сделалось почти таким же белым, как у покойницы.

– Товарищ, – сказал санитар нетерпеливо, – пустите пройти.

– Что с ней? – спросил Загорский у старенького доктора, замыкавшего скорбную процессию.

– Остановка сердца, – отвечал тот, вопросительно глядя на незнакомца, как бы спрашивая: а вам-то что за дело, милостивый государь?

– Причина? – отрывисто сказал Нестор Васильевич, продолжая изучать почти забытое, но такое все еще родное лицо Светланы.

Доктор пожал плечами: вскрытие покажет. Санитары молча обошли Загорского и понесли свою печальную ношу в здание вокзала...

* * *

– А, может, она от сердца умерла?

Ганцалин сидел в кресле напротив хозяина в их каморке в цокольном этаже, глаза его были печальны. Кажется, с возрастом изменился даже он, думал Загорский, глядя на помощника, сострадание все-таки достучалось и до каменного китайского сердца. Как он сказал: не могла ли умереть от сердца? Разумеется, могла. Более того, она, видимо, и умерла от сердечной недостаточности. Другой вопрос, что стало причиной этой самой недостаточности.

Помощник пожевал губами. Причиной? Ну, например, слабость здоровья.

Загорский покачал головой. Во-первых, балет хорошо тренирует сердечную мышцу, да и тело в общем. Во-вторых, не кажется ли ему странным что за несколько дней до гибели Лисицкая послала ему паническую телеграмму? Вряд ли такое совпадение случайно. Во всяком случае он лично в это не верит.

- И кто мог ее убить? - Ганцзалин неотрывно смотрел на хозяина.

Нестор Васильевич пожал плечами - кто угодно. За годы Гражданской войны стало ясно, что жизнь человеческая в России гроша ломаного не стоит. Убить мог брошенный любовник, грабитель, а скорее всего - некий преступник, о котором она не сказала в телеграмме, но который, очевидно, понял, что его раскрыли. Узнав, что Лисицкая собирается обратиться к Загорскому, бандит решил упредить свое разоблачение и убил ее. Не бог весть какая дедукция, к такому выводу пришел бы и гимназист младших классов. А вот дальше начинается конкретика, которая подлежит изучению.

- Надо было с проводником поговорить и купе осмотреть, - озабоченно заметил китаец.

Загорский поглядел на него с легким раздражением. За кого его держит Ганцзалин? Разумеется, именно это он и сделал в первую голову.

Дождавшись, пока из вагона выйдут пассажиры и, войдя внутрь, Нестор Васильевич завел разговор с проводником. Тот был слегка напуган, но в настроении, тем не менее, пребывал боевом, его рачьи глаза смотрели на импозантного седого господина с некоторым вызовом, как бы говоря: видали мы таких!

- Скажите-ка, любезный, кто делил купе с покойной барышней? - спросил его Нестор Васильевич.

Проводник ощетинился: а вы кто такой есть, гражданин, что задаете вопросы? Загорский махнул перед ним удостоверением уголовного розыска города Ташкента. Однако ушлый собеседник сразу разглядел, что удостоверение нездешнее.

- Эва, - сказал, - где Ташкент, а где мы!

– И Ташкент, и Москва находятся на территории СССР, следовательно, удостоверение действительно по всей стране, – отвечал Загорский, преодолевая сильное желание ударить строптивца головой о стену. Но тот оказался на редкость жестоким и по-хорошему отвечать на вопросы не захотел. Пришлось сменить тактику.

Нестор Васильевич достал из кармана рубль и показал его проводнику. Тот протянул руку к целковому, но Загорский отвел ее. Сначала, сказал, ответьте на вопросы.

Ответы, впрочем, ситуацию прояснили не слишком. По словам железнодорожника, все билеты в несчастливое купе были выкуплены. Однако внутри на его глазах зашла только одна дамочка – та самая, покойница. То есть тогда еще не покойница, ну, а потом уже, как водится, покойница. То есть не как водится, конечно, это не к тому, что у них каждый день покойники туда и сюда ездят, а просто...

– Одним словом, – перебил его Загорский, – в купе вошла известная нам барышня и больше никого там не было?

– Почему же не было, кто-то был, – возразил проводник. – Просто не видел я, кто зашел. Проходил мимо, слышу голоса: мужской и женский.

Загорский сделал стойку. Что за голоса, о чем говорили? Ругались, бранились, ссорились, кричали друг на друга?

– Никак нет, – отвечал проводник, – не ссорились и не бранились, а вроде как даже совсем наоборот – гуляли и веселились... Изнутри было запершись. Я постучал, конечно дело, спросил, не надо ли чего – чаю там или просто кипятку, дамочка отвечала, что все в порядке и не беспокоить. Ну, я и не беспокоил.

Тут Ганцзалин перебил рассказ хозяина и сказал, что, Лисицкая, верно, хорошо знакома была с попутчиком, раз заперлась с ним изнутри и веселилась. Это во-первых.

– А во-вторых? – спросил Загорский, слегка улыбаясь.

Во-вторых, преступление тщательно готовили. В купе были только Светлана и ее таинственный попутчик, при том, что билеты в нем были выкуплены все. Из этого ясно, что билеты убийца выкупил заранее, чтобы никто ему не помешал.

– Логично, – кивнул Загорский, – я тоже так решил.

Ганцалин задумался ненадолго.

– А все-таки проводник должен был видеть убийцу, – наконец сказал он, – при входе в поезд.

Но тут Нестор Васильевич с ним не согласился. Как говорят сознательные пролетарии – не факт. Во-первых, проводник, впуская в вагон, обычно смотрит не на лицо, а на билет. Во-вторых, убийца мог сделать вид, что опаздывает и на ходу вскочить в другой вагон, скажем, в четвертый, а оттуда уже перейти в третий.

Ганцалин кивнул – мог, конечно, мог. А что показал осмотр купе?

– Осмотр купе показал, что мы имеем дело с опытным и хладнокровным преступником, – строго отвечал Нестор Васильевич. – Судя по всему, ночью Светлана и ее спутник выпивали. Правда, бутылок и стаканов в купе я не обнаружил.

– Спиртом пахло? – живо спросил Ганцалин.

– Нет, не пахло. Убийца позаботился и об этом: он открыл окно в купе, так что все запахи выветрились. Более того, он тщательно протер все поверхности, на которых могли остаться следы или отпечатки.

– Даже пол?

– Даже пол. Однако... – тут Загорский со значением поднял палец вверх, – накануне вечером в Ленинграде шел небольшой дождь, на улицах было сыро и грязновато. Вследствие чего убийца оставил-таки след, но не в самом купе, а прямо перед ним, в коридоре.

А откуда хозяин знает, что это его след? Ганцзалин глядел скептически. Из всех пассажиров что – один убийца оставил следы?

Загорский слегка нахмурился: разумеется, нет. Следы оставили все. Но только следы убийцы заканчиваются у купе – все остальные либо не дошли до него, либо прошли дальше. К сожалению, след к утру подсох и сделался неразборчивым. Но даже по тому, что осталось, удалось кое-что установить. Судя по всему, преступник был одет в американскую спортивную обувь, так называемые «кэдс» или, попросту, кеды. Размер стопы – около десяти дюймов. При этом с внешней стороны следы более отчетливы – вероятно, владелец кедов немного косолапит. Не Бог весть что, конечно, но при случае и это может помочь.

Тут Нестор Васильевич замолчал и погрузился в раздумье. Ганцзалин посматривал на него с некоторой тревогой – по лицу хозяина, обычно безмятежному, пробежали грозные всполохи. Пару раз, впрочем, он улыбнулся, но улыбка была мученической.

Наконец Загорский поднял глаза на китайца. В них застыло сожаление.

– Я сделал ошибку, – сказал он, – роковую ошибку. Не надо было приглашать ее сюда, надо было самому ехать к ней в Ленинград.

Ганцзалин покачал головой. Не нужно себя корить. Если бы Лисицкая хотела, чтобы он приехал, она бы так и написала. Ей было неудобно, отвечал Загорский, неловко обращаться к бывшему возлюбленному. Она и так, верно, переступила через себя и свою гордость, надеясь спастись – но все равно погибла. И в этом, что там ни говори, виноват и он тоже. Впрочем, все это абстрактные рассуждения, сейчас надо добраться до Ленинграда и начать расследование. На милицию, разумеется, надежды никакой, наверняка они списали все на сердечный приступ.

– Ну что, поедешь со мной в город нашей молодости? – спросил Загорский у Ганцзалина.

– Поехал бы, да поезд ушел, – отвечал помощник. – Мой город молодости – Санкт-Петербург. А его уж сколько лет не существует. Сначала Петроград, потом Ленинград. Умрет Рыков – будет Рыковград, и так без конца. Куда ехать?

– Не волнуйся, – отвечал Нестор Васильевич, – просто езжай со мной, а уж я привезу, куда надо.

Однако поехать в Ленинград им так и не довелось. Точнее, не довелось поехать немедленно – обнаружили кое-какие дела в Москве. И первым из этих дел оказалась картина, пришедшая по почте, и не от кого-нибудь, а от Лисицкой – во всяком случае, так гласил адрес отправителя.

– Удивительная вещь почтовые отправления, – задумчиво сказал Загорский, вскрывая длинную продолговатую посылку и вытаскивая оттуда серый тубус. – Человека уже нет на свете, а ты все еще получаешь от него весточки.

– Да, – согласился Ганцалин, – почта – это дело серьезное, это вам не спиритизмом под одеялом заниматься.

Нестор Васильевич не удостоил комментарием этот сомнительный пассаж, но лишь открыл тубус, вытащил оттуда холст, развернул, разложил его на полу и принялся очень внимательно изучать. С картины смотрела на него Светлана в образе речной нимфы. Полюбовавшись картиной с минуту, Загорский перевел взгляд на Ганцалина и любопытствовал, что, по его мнению, все сие должно означать.

– Любовное послание, не иначе, – отвечал помощник.

Нестор Васильевич усомнился. Что вдруг? Столько лет Лисицкая молчала, ничего не слала, и вдруг на тебе – целая картина.

– Соблазнить хотела, – догадался китаец, – нимфа-то голая.

Загорский только головой покачал: мужчину в его возрасте соблазнить наготой не так уж просто, потому хотя бы, что обнаженных женщин он на своем веку повидал преизрядно. Нет, тут что-то иное. И скорее всего, картина как-то связана с тем делом, по которому приехала в Москву Светлана и из-за которого, в конце концов, и погибла.

Загорский зачем-то взялся за край холста и приподнял его на ладони, как бы взвешивая.

- Если в картине есть какое-то указание, оно содержится либо в сюжете, либо в деталях портрета и пейзажа, либо в самом материале, - сказал он задумчиво. - Давай-ка на всякий случай сфотографируем этот, с позволения сказать, шедевр.

Ганцзалин вытащил из шкафа «лейку»[11 - «Лейка» - один из первых массовых фотоаппаратов.], Загорский сделал несколько снимков, потом отложил фотоаппарат в сторону.

- А теперь, - сказал, - дай-ка мне нож.

- Пилить будете? - спросил Ганцзалин, подавая хозяину швейцарский нож.

Нестор Васильевич покачал головой: пилить он не будет, только немного поскребет. Кстати, заметил ли Ганцзалин, что за ними следят?

- Это за вами следят, - уточнил китаец, - за мной следить нечего, я нормальный советский гражданин.

Он прищурился, сделал умильную физиономию и засюсюкал:

- Бедны китайса мало-мало, Ленина люби, Тлоцкого люби, совналком уважай...

- Как бы там ни было, слезка мне совсем не нравится, - перебил его Загорский, касаясь лезвием картины. - Я стремлюсь к приватности и не переношу, когда посторонние суют нос в мою жизнь. В противном случае я давно бы стал кинозвездой или чем-то в этом роде.

- Надо было просто укокошить его, - отвечал помощник. - Нет филера - нет проблемы.

- Это не метод, - Загорский аккуратно подчищал ножом краску в углу картины. - Убьешь одного филера - пришлют другого. Нет, надо добраться до того, кто отдает приказы. Только с ним можно прояснить это недоразумение.

– И кто же, по-вашему, отдает приказы? – спросил Ганцзалин.

Но Загорский не ответил. Он внимательно разглядывал очищенный кусочек картины.

– Как полагаешь, что это такое? – спросил он помощника. – Там, внутри, под верхним слоем краски.

Тот прищурил глаз.

– Еще одна картина, – сказал он уверенно. – Старая картина, которую спрятали под новой...

Глава третья. В гостях у железного Феликса

Председатель ВСНХ[12 - ВСНХ, Высший совет народного хозяйства – центральный орган управления народным хозяйством в СССР.] Дзержинский пребывал в чрезвычайно дурном расположении духа. Впрочем, не лучше было настроение и у главы ОГПУ[13 - ОГПУ, Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР – специальный орган государственной безопасности в Советском Союзе. Преемник ГПУ и ВЧК.], почетного чекиста Феликса Эдмундовича Дзержинского. Должности, как видим, были разные, а человек все равно один. И человек этот, в отличие от героев писателя Бабея, думал сейчас не о том, как бы выпить рюмку водки и прочих пролетарских радостях. Мысли его были куда менее прозаические: он думал о том, что дело революции того и гляди похоронит бюрократия и комчванство[14 - Комчванство или коммунистическое чванство – слово, впервые употребленное Владимиром Лениным, означает высокомерие и зазнайство, проявляемое коммунистом, в первую очередь, высокопоставленным, по отношению к окружающим.].

Наверное, в Гражданскую приходилось труднее, но трудность эта была иного рода. Там все казалось сравнительно простым: вот красные, вот белые, вот революция, вот контрреволюция, вот товарищи по борьбе, вот враги. К товарищу следовало милеть людскою лаской, к врагу – вставать железа тверже. А сейчас?

Врагов уконтрапупили или разогнали по Парижам да Брюсселям, но выяснилось, что друзья могут быть и почище врагов. И какие друзья – не жалкие попутчики, а революционеры первого разбора, из которых в прежние годы гвозди можно было делать. Но материал, годный для выделки гвоздей, оказался нехорош для построения нового государства. Герои революции в мирные времена занимались по преимуществу болтовней.

Ах, как измельчал народ, и как не хватает сейчас Ильича! Стреляла, стреляла в него эта Каплан[15 - Фанни Каплан – эсерка, в 1918 году покушавшаяся на Ленина.], и попала, и отправила-таки на тот свет, хоть и не сразу. Вот за что и не любит он эсеров, вот за что и отлились им большевистские слезки в 1922 году[16 - В 1922 году в Москве проходил суд над партией правых эсеров.]. Да, Ильич – невосполнимая потеря. Всё говорили – незаменимых у нас нет, а оказалось – пальцем в небо. Кто заменит Ленина? Предсовнаркома Рыков? Ему бы в буржуазном парламенте речи толкать. Троцкий умен и энергичен, но эгоист и кроме перманентной революции знать ничего не хочет. Генсек Коба[17 - Коба – партийная кличка Иосифа Сталина.] хитер и великий интриган, но такой же коммунист, как покойный Николай Второй – помимо личной власти ни о чем не думает.

Вот такие печальные мысли обуревали железного, по мнению многих, Феликса, пока он ехал из Москвы на загородную дачу. Доехав, отпустил шофера и вошел в дом. Здесь, рядом с деревней Калч?га, располагались теперь дачи почти всех советских руководителей. Свежий воздух, корабельные сосны, и до Кремля по прямой двадцать пять километров, иными словами, меньше получаса на авто. Дзержинский, поняв, что место действительно хорошее, организовал тут же совхоз «Горки», доставлявший к столу вождей революции самые лучшие продукты, выращенные в соответствии с последними требованиями марксистской науки.

Сейчас дача была пуста, жена и сын уехали на отдых в Сочи. Яну, рожденному в тюрьме и обладавшему слабым здоровьем, морской воздух был очень полезен, да и Софье Сигизмундовне надо было восстанавливать здоровье, подорванное революционной борьбой. Чекист, постоянно дежуривший на даче, почему-то не вышел встречать хозяина. Но это Феликса Эдмундовича не беспокоило: охранник, в конце концов, тоже человек, мог отлучиться на минутку. Впрочем, остановил себя Дзержинский, охранников должно быть двое. Что же выходит, оба отлучились?

На самом деле охранники, разумеется, никуда не отлучались. Поскольку семьи хозяина на даче не было, они дали себе небольшое послабление – вполне, надо сказать, простительное, – поставили самовар. Нарушением устава караульной службы это не являлось, но было некоторым развлечением, милым сердцу любого телохранителя, особенно в те скучные периоды, когда не предвиделось ни стрельбы, ни беготни. Да и какая могла быть стрельба, товарищи, когда правительственные дачи так охраняются по периметру, что не прошмыгнет не только вездесущая мышь, но даже и блоха без соответствующих полномочий?

Младший из охранников, двадцатипятилетний Иван Дробыш, происходил из крестьян Елецкого уезда Орловской губернии. В силу молодости и запальчивости характера он любил поговорить о материях высоких и малодоступных, например, о мировой революции, и о том, когда она, наконец, случится по всему миру. Старший, сорокалетний Андрей Андреевич Котоврасов, когда-то был рабочим Путиловского завода и ум имел практический, приземленный.

– Не наше это собачье дело – про революцию рассуждать, – говорил он. – Наше дело – объект охранять.

Такой буквализм несколько обижал Дробыша. Он полагал, что всякий сознательный крестьянин, а пуще того – чекист, должен расти над собой и задаваться мировыми проблемами вроде: отчего это земное притяжение на людей действует, а на воздушные шары и аэропланы – совсем почти никак?

Котоврасов на такие провокационные вопросы имел примерно один ответ: велено – вот и не действует. Мир, по его разумению, подчинялся строгой иерархии, во главе которой, за отсутствием бога, стояло непосредственное и высшее начальство, которое могло приказывать всему и вся, да хоть бы даже и земному притяжению. Как именно это происходило, он тоже мог ответить, не задумываясь – посредством марксистской науки, перед которой нет и не может быть нерешаемых задач. Начальство давало указание науке, наука же, в свою очередь, распоряжалась мирозданием как в целом, так и отдельными его законами.

– Что же, – ехидно спрашивал Дробыш, – если, к примеру, наука мне велит летать без применения аэроплана, я летать начну?

– Начнешь, – сурово отвечал Котоврасов, – будешь летать как миленький, если не хочешь, чтобы разжаловали и с довольствия сняли.

Дробыш задумывался. Угроза действительно выглядела серьезно. Никто не хотел быть разжалованным и лишенным довольствия. Но как этот страх может заставить его, Дробыша, порхать в небесах аки старорежимные ангелы, этого он совсем не понимал. Приходилось в этом сложном вопросе целиком и полностью полагаться на старшего товарища, который, в свою очередь, исходил из того, что учение Маркса всесильно, потому что оно верно.

Высокая устремленность бывшего крестьянина, а ныне образцового чекиста Дробыша, впрочем, не мешала ему наслаждаться простыми человеческими радостями вроде чаепития. Однако в этот раз случился казус. Известно, что когда самовар закипает, вода в нем от химических и физических причин начинает бурлить и шуметь. И этот вот шум, обычно совершенно безвредный, сыграл с охранниками злую шутку. Видимо, пока самовар кипел, на охраняемом объекте что-то случилось. Но что именно, никто не услышал как раз из-за самовара.

Так или иначе, когда Дробыш вышел из кухни, прямо перед собой он неожиданно увидел немолодого косоного черта с желтой физиономией. Черт как две капли воды похож был на одного торгового китайца, с которым лет пять назад был знаком Дробыш – вот только возрастом постарше. В руках незваный гость держал корзинку для грибов, в которой лежали почему-то одни поганки.

– Тебе чего, дед? – спросил чекист. – Это охраняемая территория, ты как сюда забрел?

Черные глаза косоного черта блеснули злостью.

– Сам ты дед, – отвечал он. – Я тебе сейчас покажу деда, дурак.

К угрозе этой Дробыш отнесся легкомысленно, о чем вскорости сильно пожалел. Следовало, конечно, выхватить револьвер и, как учили, прямо от живота пальнуть черту в косую его рожу. Однако чекист просто взял пришельца за шиворот, чтобы вывести его прочь и передать внешнему охранению.

Но желтый черт оказался неожиданно вертким, еще даже ловчее настоящих. Он перехватил правой рукой руку Дробыша, левую просунул между собой и плечом охранника, после чего бравый чекист неожиданно обнаружил себя лежащим носом в пол. В довершение позора враг с виду легонько, но на деле очень чувствительно тюкнул кулаком Дробыша в затылок, после чего тот потерял не только пролетарское самосознание, но и вовсе лишился чувств.

Андрей Андреевич Котоврасов был человеком опытным, поэтому, услышав за дверь переговоры Дробыша с неизвестным, мгновенно вытащил из кармана табельное оружие и легким бесшумным шагом двинулся к выходу, готовый без всяких церемоний уложить первого, кого увидит. Однако в служебном рвении в этот раз он не преуспел.

Перед ним словно из-под земли вырос высокий седовласый гражданин с черными бровями – и откуда взялся, только что кухня была пустой? Не говоря худого слова, гражданин перехватил чекистскую руку с пистолетом и нажал большим пальцем на запястье, куда-то рядом с пульсом. Рука Котоврасова, мозолистая рука путиловского рабочего, только что бывшая совершенно железной, вдруг предательски обмякла, и револьвер со стуком выпал из нее на паркетный пол.

– Прошу простить, – негромко сказал седовласый, – но это совершенно необходимая процедура.

С этими словами он прижал чекисту сонную артерию. Спустя секунду тот почувствовал, что проваливается в светлое небытие. «В месте светлом, в месте злачном, в месте покойном...» – почему-то вспомнился ему старый псалом, и дух его временно отлетел от тела в неизвестном направлении.

Именно описанные события стали причиной того, что приехавшего на дачу главу ВСНХ так никто и не встретил. Однако Феликс Эдмундович, увлеченный своими соображениями, не обратил на это должного внимания – и совершенно напрасно не обратил. В противном случае он бы вышел во двор, побежал бы к дороге, поднял шум – и на помощь ему непременно пришли бы товарищи из внешнего охранения. Но он, как мы уже говорили, был слишком рассеян мыслями и потому направился сразу в кабинет.

Однако, подойдя к порогу, замер. Дверь кабинета была открыта как обычно и в то же время как-то по-другому. Инстинкт старого подпольщика подсказал ему, что здесь что-то не так.

– Все так, Феликс Эдмундович, – раздался из кабинета незнакомый голос. – Заходите, прошу, не будем же мы с вами через порог разговаривать.

Дзержинский быстрым движением расстегнул кобуру. Вызвать охрану? Но если бы на него покушались, то зачем им себя обнаруживать? С другой стороны, кто мог так легко пройти все кордоны и по-хозяйски устроиться в его доме? Жизнь председателя ОГПУ полна тайн и секретов. Возможно, там, в гостиной, прячется очередной секрет, по какой-то причине явившийся незванным. Впрочем, неважно. Как говорил в таких случаях пролетарский поэт Маяковский, ваше слово, товарищ маузер!

Дзержинский, не торопясь, вошел в гостиную, держа пистолет в руке. В любимом его коричневом кожаном кресле сидел человек, чья внешность показалась ему смутно знакомой. Однако размышлять было некогда – на это, вероятно, и рассчитывал враг. Дзержинский повел дулом, но выстрелить в смутно знакомого не успел – тот кинул в него небольшим медным бюстиком Карла Маркса, стоявшим на столе у главного чекиста страны Советов. Основатель научного коммунизма оказался страшно тяжелым: он ударил Дзержинскому прямо в кисть, и пистолет со стуком повалился на пол.

– Многоуважаемый Феликс Эдмундович, я пришел с миром, – проговорил наглый метатель. – и, прежде чем вы попытаетесь поднять свой маузер, прошу уделить мне пару минут.

– Хотите меня убить? – голос Дзержинского звучал почти безразлично.

– Только если вы очень попросите, – отвечал гость.

Тут железный Феликс взглянул на него повнимательнее, напряг цепкую память и, конечно, сразу же вспомнил эту седую шевелюру и черные брови.

– Ага, – сказал он с легким сарказмом, – его превосходительство господин Загорский!

– Прошу без чинов, – отвечал тот, – зовите меня просто Нестор Васильевич.

Дзержинский кивнул, показывая, что принял слова Загорского к сведению, поколебавшись, поднял-таки маузер и спрятал его в кобуру, после чего уселся в кресло напротив. Некоторое время хозяин и гость с интересом разглядывали друг друга. У железного Феликса от удара рука онемела, и пальцы все еще дрожали. Загорский же был совершенно спокоен.

– Итак, Нестор Васильевич, что поделяваете? – спросил наконец Дзержинский.

Загорский хмыкнул. Что может поделявать бывшее превосходительство при многоукладной экономике? Худо-бедно зарабатывает на кусок хлеба – в основном консультациями. Кому, в самом деле, нужен старый сыщик, переживший трех императоров и одного председателя Совнаркома? Или, может быть, Феликс Эдмундович полагает иначе?

Тут улыбнулся уже Дзержинский: может быть, и полагает, исключать ничего нельзя. А что, собственно, привело к нему, скромному чекисту, многоуважаемого Нестора Васильевича?

– Вопрос, я думаю, неверно задан, – отвечал Загорский. – Вернее было бы спросить, что привело вас ко мне. Потому что хотя формально я у вас дома, но в гости к вам явился почти вынужденно.

Дзержинский поднял брови: вынужденно? Кто же его вынудил? Что-то рядом не видно патруля красноармейцев или чекистов, которые бы его конвоировали.

– Ну, за конвоем, я полагаю, дело не станет, вам стоит только пальцами щелкнуть, – сухо заметил Загорский. – Но я не о конвое, разумеется. Я о ваших шпионах, которые с недавнего времени повадились ходить за мной по пятам. А, как сказал бы мой помощник Ганцзалин, повадился кувшин по воду ходить – там ему и голову сложить.

Дзержинский искренне удивился. Какие шпионы, какие кувшины? Не причудилось ли уважаемому Нестору Васильевичу нечто такое, чего и в природе не существует? Во всяком случае, самому Дзержинскому об этом ничего не известно. Может быть, конечно, и такое, что это инициатива нижестоящих товарищей...

– Может быть, – Загорский не стал спорить. – Я, знаете ли, не страдаю манией величия. Очень может быть, что все дело организовали нижестоящие. Но я пришел именно к вам, чтобы нижестоящие не могли кивать наверх: дескать, мне приказали, я только выполняю. Отыщите, пожалуйста, этих самых нижестоящих и велите, чтобы оставили меня в покое. Следить за мной незачем, уверяю вас. Я не белогвардеец какой-нибудь и заговоров против советской власти не затеваю, преступлений никаких не совершал и даже мошенничеством не промышляю. А коли так, какие могут быть ко мне претензии у советской власти и ее карающего органа? Нет и не может быть ко мне никаких претензий. Засим позвольте откланяться.

И Загорский действительно поднялся с кресла, слегка поклонился Дзержинскому и направился к выходу.

– Секунду, – сказал вслед ему хозяин, – одну секунду. Скажите, как вам удалось пройти через охрану?

Нестор Васильевич посмотрел на него с некоторым изумлением. Помилуйте, что значит: как удалось? Да ведь он шпион с полувековым стажем, это его хлеб – проходить через любые препятствия. А если подробнее, то, конечно, стоит пересмотреть схему охранения не только дачи Дзержинского, но и всего поселка. Что-то еще?

Феликс Эдмундович наклонил голову. Да, есть еще кое-что. И он жестом указал Загорскому на кресло. Тот, поколебавшись секунду, все-таки вернулся и сел.

– Не буду морочить вам голову, – сказал Дзержинский. – Я знаю о том, что за вами следят. Хотя, надо сказать, идея слежки принадлежит не мне.

– Кому же принадлежит эта светлая мысль? – осведомился Нестор Васильевич.

– Товарищу Бокию, Глебу Ивановичу. Слышали о таком?

Загорский на секунду задумался, что-то вспоминая, потом покачал головой – не припоминаю. Чекистов в России теперь больше, чем грибов в лесу, всех упомнить нельзя.

– А вот он о вас осведомлен прекрасно, – отвечал Дзержинский. – И, надо сказать, в совершенном от вас восхищении. Утверждает, что вы прекрасно показали себя в деле с Кораном.

Загорский холодно отвечал, что никому он ничего не показывал, просто решал профессиональную задачу.

– Ну, не будем спорить о словах, – засмеялся Дзержинский. – Важно, что вы свое дело знаете, как никто.

Загорский заметил, что Феликс Эдмундович переоценивает его персону, а, впрочем, спорить он не будет – из чистой скромности, разумеется. Так в чем же интерес ОГПУ, и что им нужно от вышедшего на покой детектива?

– Дело вот какое, – сказал Дзержинский, но вдруг умолк и нажал кнопку звонка. На вопросительный взгляд Нестора Васильевича пояснил, что хотел бы выпить кофе. Сейчас явится охранник, и они его попросят...

– Не явится, – сказал Загорский спокойно.

Дзержинский посмотрел на него с удивлением: еще один сюрприз от знаменитого сыщика? Впрочем, сюрприз, похоже, не удался. Как бы в опровержение слов гостя, в коридоре раздались по-военному четкие шаги, дверь распахнулась, и на пороге вырос чекист в полной форме. Но Боже мой, что это был за чекист! Кожа желтая, морда плоская, глаза косые, взгляд свирепый – такие чекисты, наверное, являлись в кошмарах жуликоватым нэпманам.

– Позвольте представить – мой помощник Ганцалин, – заявил Нестор Васильевич.

Китаец, не мигая, смотрел на председателя ОГПУ. Тот покачал головой: а что же его охранники? Неужели они их...

И Дзержинский сделал выразительный жест ладонью у горла.

– Ни в коем случае, – любезно отвечал Нестор Васильевич, – охрана ваша просто отдыхает в кладовке. Мы категорически против насилия, мы, видите ли,

гуманисты и даже в какой-то мере толстовцы.

– В какой-то мере? – удивился железный Феликс.

– В очень небольшой, – неожиданно уточнил Ганцалин.

Дзержинский снова с интересом посмотрел на него и сказал, что, как ему кажется, Ганцалин вполне бы мог работать в ОГПУ. Мог бы, но не станет, отвечал Загорский. Они с помощником – сугубо штатские люди и относятся с некоторым предубеждением к мировой революции и особенно к тому, какими средствами она делается.

Почетный чекист махнул рукой: не хотите – не надо. Тем более, что речь вообще не об этом. Если помощник Нестора Васильевича сварит им кофе, то личная благодарность главы ОГПУ ему обеспечена. В ответ на быстрый взгляд Ганцалина Загорский кивнул: будь так любезен, сделай.

Ганцалин растворился, а Дзержинский наконец принялся за рассказ. Оказалось, в декабре этого года пройдет очередной, четырнадцатый съезд ВКП (б). На съезде будет заявлен курс на индустриализацию страны.

– Идея в целом хорошая, – говорил Дзержинский, отхлебывая кофе, принесенный Ганцалином и, кажется, не чувствуя его сомнительного вкуса. – Будущее – за индустриальными странами, на одной пшенице в коммунизм не въедешь. Но для производства нужно материально-техническое обеспечение – в первую очередь станки. Взять их, кроме как на Западе, негде. Однако Запад ничего не дает бесплатно, он требует валюты. И вот ее-то взять неоткуда.

– А экспорт? – спросил Загорский. – Та же самая пшеница, хлопок, древесина. Нефть, наконец?

Дзержинский вздохнул: не все так просто. Страна Советов в кольце врагов. СССР мог бы торговать, но ему не дают. Например, американцы не хотят брать их товары, даже спички – поскольку они, видите ли, сделаны с использованием подневольного труда заключенных. Но это же чистая демагогия!

– Вот как? – удивился Загорский. – И почему же это демагогия?

Да потому что преступников надо перевоспитывать. А как, скажите, их перевоспитывать, если не с помощью труда? Если же говорить о нефти, то на мировой нефтяной рынок СССР также прорваться не может. Словом, куда ни кинь, всюду клин. И вот в этих обстоятельствах пришла идея торговать с Западом художественными шедеврами Эрмитажа и Русского музея.

– И кому же пришла эта блестящая мысль? – холодно любопытствовал Нестор Васильевич, вертя на пальце железное кольцо, что было у него обычно знаком глубокой задумчивости или сильного раздражения. – Кто, так сказать, этот гений и демиург?

Дзержинский отмахнулся: неважно, кто. Он и сам не в восторге от этой идеи. Но что же делать, если даже нарком просвещения Луначарский за Эрмитаж не вступился? Впрочем, удалось добиться некоторого смягчения: шедевры мастеров первой величины вроде Рембрандта, Рубенса или ван Дейка продавать не станут, в ход пойдут более скромные экспонаты.

Загорский на это только головой покачал. Опыт подсказывает ему, что аппетит приходит во время еды. Начнут с какого-нибудь Хогстратена и Джордана и закончат как раз-таки Рубенсом и Рафаэлем. Кстати сказать, а что случилось с Гохраном? Если ему память не изменяет, множество драгоценностей было продано оттуда на Запад в начале двадцатых. Может, оставить музеи в покое и снова заглянуть в Гохран?

– Во-первых, Гохран не бездонная бочка, чтобы в него все время заглядывать, – отвечал Дзержинский. – Во-вторых, учет там был слабый, и часть запаса просто разворовали. И, наконец, в начале двадцатых мы вбросили на рынок столько золота и драгоценностей, что цена на них существенно понизилась. А вот спрос на картины до сих пор велик.

Загорский хмуро кивнул. И когда же начнут продавать эти самые картины? Оказалось, что уже начали. Пока, разумеется, эта секрет, в него посвящены лишь несколько человек из высшего руководства.

– Кстати, прошу вас сохранять абсолютную тайну относительно того, что вы здесь услышите, – перебил сам себя Дзержинский.

Нестор Васильевич ничего на это не сказал, но спросил, так ли уж много денег получит государство за проданные шедевры? Несколько десятков, в крайнем случае – сотен миллионов. А нужны миллиарды. Так, может, и не трогать то, что потом ни за какие деньги не восстановишь?

Дзержинский усмехнулся: не все так просто, дорогой Нестор Васильевич. Дело тут не только в деньгах. Сначала экспонаты музеев предложат не просто millionaireам, но полезным людям. Например, нефтепромышленникам, через которых Советский Союз может выставить на рынок свою нефть, или политикам, которые помогут преодолеть торговое эмбарго.

– Иными словами, это просто взятка? – уточнил Нестор Васильевич.

Дзержинский поморщился: называйте это взяткой, если вам так больше нравится. Хотя, разумеется, и деньги за картины страна тоже получит. Но дело в том, что у многих шедевров есть бывшие собственники...

– То есть законные владельцы? – уточнил Загорский.

– Бывшие, – со значением повторил Феликс Эдмундович. – Их собственность национализирована и по закону принадлежит государству.

Тут уже поморщился Загорский. Насколько он помнит, национализация подразумевает выплату компенсаций. Когда и кому советское правительство выплачивало компенсации за отнятое имущество? Никогда и никому. Следственно, с точки зрения международного права все эти шедевры принадлежат бывшим собственникам, и никто не захочет их покупать, чтобы не нарваться на иск.

Дзержинский, не моргнув глазом, выслушал эту тираду и неожиданно согласился.

– Да, – сказал он, – есть такая опасность, и юристы уже думают, как ее обойти. Но, впрочем, это все не наше с вами дело.

– В чем же состоит наше дело? – осведомился гость.

И тут Дзержинский рассказал совершенно удивительную историю.

Оказывается, у советской власти есть конкуренты. Некие расторопные жулики уже взялись переправлять из России на Запад холсты старых мастеров. При этом, судя по всему, холсты они берут не из частных коллекций, а из собраний музеев. Это стало ясно, когда в связи с грядущими продажами взялись за инвентаризацию. Оказалось, что из запасников пропало немало полотен. Конечно, в большинстве это были картины не первого ряда, но, тем не менее, вполне востребованные на западном рынке.

Неловкость ситуации состояла в том, что нельзя было понять, входят ли пропавшие картины в число тех, которыми торгует само государство, или это самодеятельность жуликов. Во всех случаях они изымались неофициально, якобы по запросу Главнауки. Все дело было настолько секретным, что всех деталей не знал даже глава ОГПУ. Тем не менее, чтобы разъяснить вопрос, Дзержинский обратился к предсовнаркома Рыкову. Тот отослал его к Сталину. Сталин же сказал буквально следующее.

– Пусть товарищи из Главнауки занимаются своей наукой, а мы им мешать не станем.

Таким образом, он, Дзержинский, оказался в чрезвычайно деликатном положении. Возможно, утечка картин за границу инспирирована сверху и, пытаясь настичь похитителей, он настигнет совсем не того, кого ожидает. Например, выяснится, что к этому приложил руку большой друг СССР Арманд Хаммер.

Однако оставить воровство совсем без внимания невозможно. Во-первых, речь о национальном достоянии. Во-вторых, хищения по-настоящему крупные. И, наконец, музейные работники взбудоражены. Если ничего не предпринимать, вся история станет известна как у нас, так и за рубежом. Что прикажете делать в этих обстоятельствах?

– Не знаю, что вам посоветовать, – отвечал Нестор Васильевич несколько насмешливо, – но полагаю, что вы в моих советах не нуждаетесь и давно уже для себя все решили.

– И что же я решил? – спросил Дзержинский, улыбаясь почти так же насмешливо.

– Вы решили привлечь к делу частного детектива. Если вдруг он раскопает, что надо, вы в выигрыше. Если раскопает что-то не то, вы всегда сможете сослаться на его самодеятельность, а ОГПУ тут и вовсе ни при чем.

– Прекрасно. И что решили вы? – собеседник сверлил его пронзительным взглядом. Если бы на месте Загорского был кто-то другой, он, вероятно, впал бы в панику. Но Нестор Васильевич видел и не такие взгляды.

– На ваше счастье, Феликс Эдмундович, у меня во всей этой истории есть личный интерес. Один из ваших похитителей убил близкую мне женщину.

Дзержинский кивнул: да, они знают о гибели Лисицкой. Более того, они опасались, что после ее смерти Загорский возьмется за самостоятельное расследование. В этом случае контролировать его действия было бы гораздо труднее...

– Итак, вы хотите узнать, кто организует вывоз картин здесь и кто принимает их на Западе? – Нестор Васильевич смотрел на на собеседника, а куда-то в потолок.

Дзержинский кивнул. Все верно. И еще они рассчитывают, что выяснив что-то, Загорский не займется самодеятельностью, а сначала проинформирует их. Точнее, его, Дзержинского.

– Чего вы так боитесь? – спросил Загорский хмуро. – Что к воровству причастен ваш агент Арманд Хаммер, или что в нем замешаны высшие должностные лица СССР?

Дзержинский несколько секунд смотрел на него, не отводя взгляда.

– Как ни странно это прозвучит, но я боюсь всего, – отвечал он раздумчиво. – Дело в том, что могущество ОГПУ несколько преувеличено. Да, мы меч в руках партии, но мы не руки, и тем более, не голова. Решения, в конечном итоге, принимаем не мы.

– А кто? – спросил Загорский. – Коллективное собрание вождей, какое-нибудь Политбюро?

С минуту, наверное, Дзержинский молчал. Потом заговорил, редко цедя слова, словно взвешивая каждое на весах.

– Формально руководство в партии коллективное. Однако на горизонте вырастает фигура тирана, диктатора. Тиран этот будет следовать своим интересам, а коммунистическими идеями только прикрываться. Я предвижу большую кровь и большие битвы, в которых мое ведомство будет играть не последнюю роль.

– Могу я узнать имя тирана?

На этот раз железный Феликс молчал еще дольше.

– Этого я вам сказать не могу, – отвечал он наконец. – Все прояснится в ближайшие несколько лет. Конечно, ему будут сопротивляться другие члены ЦК, но тиран потому и тиран, что устоять против него невозможно. Тирания написана ему на роду, это его миссия, данная ему дьяволом, и он ее исполнит, что бы там ни было.

Нестор Васильевич посмотрел на Дзержинского с интересом: он верит в Бога?

– Когда-то я верил в Бога, теперь же верю лишь в революцию и в дьявола, – отвечал тот. – В конечном итоге на земле нет сил более влиятельных, чем эти две...

– Ну что ж, – сказал Загорский, вставая с кресла, – я принимаю ваше предложение. Однако мне понадобятся оборотные средства и полномочия.

– Это уже не ко мне, это к Бокию, он будет вас курировать, – отвечал Дзержинский, вставая и протягивая Загорскому руку. Тот на миг замешкался, и Дзержинский грустно улыбнулся.

– Не бойтесь, вы можете смело пожать мне руку. Я человек не сентиментальный, но честный и не палач.

Скоро увидим, какой ты честный, подумал про себя Нестор Васильевич, пожимая чистую и холодную, как у вампира, ладонь главного чекиста.

Глава четвертая. Ноосфера против эпилепсии

Колышущаяся, жидкая, черная тьма трепетала в углах комнаты, пятилась от желтого огня единственной свечи, отступала, пряталась и сизнова выползала, ложась на мебель, на стулья, на лица людей, сидевших за круглым столом в торжественном молчании. Среди десятка мужчин затесались неведомо как две женщины, но сказать, чтобы они сильно украшали это странное собрание, значило покривить душой.

Все взоры были устремлены на сидевшего перед свечой человека с высоким лбом и темнеющим бобриком волос. Глаза его были полузакрыты, ресницы подрагивали, крючковатый нос придавал ему отдаленное сходство с какой-то диковинной птицей. Лицо его было одновременно печальным и вдохновенным, казалось, что с него, как с маски шамана, сейчас сорвется и уйдет в потолок какой-то дикий дымный дух.

Внезапно высоколобый стал издавать отрывистые звуки, похожие на куриное квохтанье, так что сходство его с птицей усилилось необыкновенно и стало почти нестерпимым. Звуки делались все громче, публика за столом оживилась, в глазах у женщин отразился ужас и одновременно любопытство.

– Началось, началось... – шепотом прокатилось по комнате, даже тьма, казалось, поднялась дыбом в своих углах.

В ту же секунду по телу камлающего прошла длинная судорога. Он запрокинул голову назад и протяжно, тоскливо завыл. Зрители содрогнулись, кто-то резко отодвинулся от стола, но остальные зашикали на него. Вой понемногу стихал, и когда последний звук растворился под потолком, шаман уронил голову на грудь. Так он сидел, наверное, с полминуты. Потом вдруг вздрогнул и поднял лицо. Публика ахнула – глаза его как будто вывернулись наизнанку, они были слепыми, белыми, словно неведомая сила проглотила зрачки.

Теперь глаза эти, белые, слепые, неотрывно смотрели прямо на свечу. Под их взором пламя затрепетало, необыкновенно удлинилось, достигнув полуметровой высоты, затем стало выгибаться, грозя ожечь тех, кто сидел напротив шамана, и вдруг угасло, словно кто-то невидимый и огромный дунул на него из

недостижимой пустоты. Наступила полная тьма.

Впрочем, тьма эта длилась совсем недолго. Видимо, свеча была задута не до конца и, когда невидимое дуновение иссякло, свеча снова загорелась и горела теперь тихо, мирно и ровно.

– Взываю к силам четвертого измерения! – раздался в темноте низкий могучий бас оперного демона. – Взываю к способностям сверхсознания! Взываю к тайнам ноосферы! Взываю к сущностям могущественным и надчеловеческим!

Губы шамана были плотно сомкнуты, а звук шел не от него, а откуда-то сверху, накрывая куполом всю комнату.

– Вопросы, – зашумела публика, – задавайте вопросы!

– Нет! – вдруг прогремел голос. – Сегодня обычный порядок будет нарушен. С нами новый человек – возможно, он станет еще одним членом нашего братства.

Публика стал оглядываться, потом все взоры устремились к двери, возле которой стояли две почти неразличимые в полутьме фигуры – одна высокая, а другая пониже. От низенькой веяло восторгом и упоением, высокая была холодна. В том, кто был пониже, публика без труда распознала одного из членов «Единого трудового братства», главу Спецотдела ОГПУ Глеба Ивановича Бокия. Второй же был присутствующим неизвестен, во всяком случае, света одной свечи оказалось явно недостаточно, чтобы его рассмотреть.

– О, я вижу! – громыхнул бас. – Это человек необыкновенный, он отмечен знаком высшей избранности. На Востоке и в Тибете таких называют бодхисаттвами или высокими душами. Это люди, поднявшиеся к вершинам самосовершенствования и способные слиться с божеством. Однако они пожертвовали высшим блаженством и выбрали путь помощи всем живым существам. На них, как на атлантах, стоит наше мироздание. В тот день, когда они откажутся от своей миссии, человечество рухнет во тьму невежества и озлобления, и цивилизация прекратит свое существование. Так произошло с Атлантидой, так случится и с нами. На Востоке бодхисаттвам молятся как божествам, способным изменить судьбу человека. Но знает ли сам наш гость, кто он такой?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Пляс Пигаль – площадь Пигаль, знаменитый район «красных фонарей» в Париже.

2

Agent (фр) – агент, полицейский.

3

Marais (фр.) – Болото, трясина.

4

Терпсихора – в древней Греции муза танца.

5

Аполлон Мусагет – древнегреческий бог Аполлон, в данном случае – предводитель муз, в этой своей функции являющийся покровителем всех изящных искусств.

6

Антей – древнегреческий великан, получавший неодолимую силу от соприкосновения с землей и терявший эту силу, если его от земли оторвать.

7

Анна Павлова – великая русская балерина.

8

Матильда Кшесинская, Тамара Карсавина – знаменитые русские примы-балерины.

9

Октябрьский вокзал – так в 1923-37 годах назывался Ленинградский вокзал Москвы.

10

Харон – в древнегреческой мифологии лодочник, перевозящий души мертвых через реку Стикс в подземном царстве Аида.

11

«Лейка» – один из первых массовых фотоаппаратов.

12

ВСНХ, Высший совет народного хозяйства – центральный орган управления народным хозяйством в СССР.

13

ОГПУ, Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР – специальный орган государственной безопасности в Советском Союзе. Преемник ГПУ и ВЧК.

14

Комчванство или коммунистическое чванство – слово, впервые употребленное Владимиром Лениным, означает высокомерие и зазнайство, проявляемое коммунистом, в первую очередь, высокопоставленным, по отношению к окружающим.

15

Фанни Каплан – эсерка, в 1918 году покушавшаяся на Ленина.

16

В 1922 году в Москве проходил суд над партией правых эсеров.

17

Коба – партийная кличка Иосифа Сталина.

Купить: https://tellnovel.com/anonimus_/delo-dvuh-feliksov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)